

3. КАЧЕСТВЕННЫЕ МЕТОДЫ

О методологической рефлексии в условиях полипарадигмальности

Готлиб Анна Семеновна,
Самарский государственный университет

Разговор о необходимости методологии — этого региона принципов и оснований, призванных освещать путнику-исследователю дорогу в «дебрях» приключения, называемого эмпирическим исследованием, всегда *достаточно банален*: я и сама не раз писала о том, что социолог-профессионал не может уподобляться сороконожке, которая не знает, как и сколькими ногами она ходит, что осознание методологических координат, в которых работает социолог-эмпирик, — необходимая черта профессионального самосознания¹. Вместе с тем рискну сказать, что до недавнего времени реальная значимость методологии для социолога-эмпирика была все же не очень высока. И дело даже не в том, что реальное «живое» исследование практически никогда не вписывается в рамки, уготовленные ему методологией. И не в том, что методология, традиционно область должного, нормативного, если верить А. Шюцу, «не является наставником или учителем ученого, она — всегда его ученик»². На мой взгляд, дело в другом.

В условиях монопарадигмальности социологического исследования (до 1970-х, а в России до 1990-х годов), когда методические требования к исследовательским процедурам вписываются в одну единственную систему методологических координат — методологию классического социологического исследования, — потребность в осмыслении *оснований своей исследовательской деятельности* у социологов была невысока. В самом деле, зачем задумываться о причинах «борьбы» с эффектом интервьюера в классическом социологическом исследовании, если стремление к его минимизации уже неотделимо от процедуры интервью, уже вошло в «плоть и кровь» социологии (все социологи так делают), стало привычным, рутинным моментом. Зачем ставить под вопрос, например, логику исследования, если во всех исследованиях она всегда только линейно-последовательная: от программы к анализу результатов.

Опривычивание, рутинизация методических правил эмпирического исследования, когда социолог не проблематизирует собственное методическое знание, живя в естественной беспроблемной установке, сформированной в повседневности профессиональной жизни — основная, на мой взгляд, причина низкой востребованности методологии социологами-эмпириками. Сказанное, конечно, не умаляет усилий социологов-методологов по рефлексии тех или иных аспектов исследовательских практик: тексты известных российских методологов Г.С. Батыгина, В.Б. Голофаства, Г.Г. Татаровой, делая ту или иную сторону исследовательского процесса предметом своего анализа, всегда захватывающе интересны, будят фантазию и воображение. Вместе с тем, на мой взгляд, в условиях монопарадигмальности эти тексты оставались для социолога неким «социологическим десертом», приятным, но вовсе не обязательным довеском к той конкретной работе по производству знания, которая называется социологическим исследованием.

Сегодня принципиально иная методологическая ситуация в социологии. Одновременное существование разных методологий и соответственно принципиально разных типов социологического исследования (классического, качественного, активистского) проблематизирует (или должно проблематизировать, выводить из состояния рутины) все методические процедуры социологического исследования, отчетливо обозначая главное: *методические правила социологи-*

¹ Готлиб А.С. Предисловие // Современная социология в поисках новых методологических подходов и методов исследования: Сборник научных материалов всероссийской научной конференции 16–17 мая 2008 г. Самара: Универс-групп, 2008. С. 8.

² Шюц А. Проблема рациональности в современном мире // Шюц А. Смысловая структура современного мира. М.: Фонд «Общественное мнение», 2003. С. 190.

ческого исследования не являются универсальными. Они всегда суть производные от видения социальной реальности в той или иной методологии, от способа и задач познания в ней, наконец, от тех специфических характеристик процесса познания (логики, критериев качества, функций), которые присущи конкретной методологии.

Понимание необходимости «вписывать» методические «правила игры» в разные методологические координаты, в методологически разные пространства эмпирической социологии, знание этих различий собственно и есть методологическое знание социолога, теряющее сегодня, на мой взгляд, признаки *социологического десерта*, и превращающееся в необходимое условие производства *качественной социологической информации*, в какой бы парадигме оно не осуществлялось.

Вместе с тем, сегодня часто приходится сталкиваться со «смешением жанров» — *методологической неразберихой* в социологическом исследовании, когда *методологические основания и используемые методические процедуры не соответствуют друг другу*. Попробую привести несколько примеров.

Первый и наиболее широко представленный в исследованиях (особенно в маркетинговых) — постановка в фокус-групповом исследовании (*всегда качественном*) таких исследовательских задач, которые могут быть поставлены только в классическом исследовании. Речь идет о задачах описания количественной представленности признака в той или иной социальной группе. В рамках таких задач результаты фокусированного группового интервью (опрашивается 10–12 человек) спокойно переносятся на большие социальные группы. Результат известен: недостоверность полученной информации. Такое методологически некорректное использование метода фокус-группы в социологических и маркетинговых исследованиях, как мне кажется, является одной из причин наблюдаемого мной недоверия к этому методу в академической среде. Хотя понятно, что дело не в методе, а в его адекватном использовании, точнее, в методологической (не)компетентности социолога (маркетолога), его использующего.

Еще один пример связан с социологическим анализом причин (факторов), порождающих некоторое явление, — задачей классического социологического исследования, осуществляемого по аналитической стратегии. Как известно, установление причины (фактора) какого-то явления в строгом соответствии с методологией классического исследования производится в определенном теоретическом контексте (выдвигается теоретическая гипотеза о каузальной связи), а затем подтверждается (или не подтверждается) различными средствами математического (статистического) анализа, ориентированными на доказательство этой каузальной связи.

В значительной части сегодняшних социологических исследований эта задача предельно упрощена. Респондентов спрашивают о причинах того или иного явления, а затем эти *семантические объяснения* (объяснения с точки зрения действующих акторов)¹ невозмутимо выдаются социологом за *научное объяснение, за истинные причины*, обуславливающие изучаемое явление в объективной социальной реальности. Здесь за истинные причины выдаются *мнения о причинах*, субъективное видение опрошенных, которое, конечно, можно изучать, но в каноне классического исследования его никоим образом не следует принимать за реальные причины, обуславливающие тот или иной феномен. Если говорить языком Ю. Хабермаса², в «объективирующей установке» исследователя в классической методологии под названием «*как обстоят вещи*» в отличие от его перформативной установки в качественном исследовании, принципиально отсутствует коммуникация с опрашиваемыми: для производства объективного знания субъективное видение респондентами того или иного явления абсолютно не нужно. Конечно, исследователь зачастую прибегает к такому способу изучения причинно-следственных связей не от хорошей жизни: целый ряд социальных явлений-причин трудно поддаются надежной эмпирической интерпретации. Вместе с тем, все-таки необходимо помнить, что полученные с помощью такой подмены выводы не могут претендовать на статус достоверного знания, знания-зеркала, как того требует методология классического исследования.

¹ Девятко И.Ф. Модели объяснения и логика социологического исследования. М., 1996. С. 27.

² Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб.: Наука, 2000. С. 39.

И, наконец, третий пример, может быть, не столь показательный. Среди коллег-социологов бытует мнение, что сбор и публикация качественных интервью с информантами в рамках той или иной темы с минимальным исследовательским анализом или вообще без него не имеют права называться качественным исследованием. По их мнению, это лишь сырые данные, не имеющие статус законченного результата исследования, в обязательном порядке нуждающиеся в *дальнейшей исследовательской интерпретации*¹.

Очень популярен среди некоторых социологов и топик о тождественности разведывательного исследования и качественного в контексте рассуждений о том, что качественное исследование не принесло в социологию ничего нового: социологи всегда сначала качественно описывали социальное явление, чтобы потом его операционализировать.

На мой взгляд, более глубокое знакомство некоторых моих коллег с методологией качественного исследования, в частности, с целым рядом типологий², упорядочивающих многообразие качественных исследований по тем или иным типобразующим признакам, позволило бы придать статус самодостаточного знания не только научным теориям, полученным в результате качественного исследования (научное направление качественных исследований), но и просто транскриптам интервью, даже не прошедшим стадию исследовательской интерпретации (собственно гуманистическое или ситуационное направление). Более того, качественный подход в социологическом исследовании, во многом развившийся под влиянием социально-философских концепций XX века антинаучной ориентации совершенно «законно» вбирает в себя эти направления.

Кроме того, более глубокое знакомство с методологией качественного исследования, его целевой направленностью на описание смыслов, которыми изучаемые люди наделяют социальные ситуации вокруг себя, позволило бы некоторым коллегам-социологам не отождествлять разведывательную стратегию (этап) классического исследования и качественное исследование. Разведывательный этап классического исследования — всегда *только преддверие, только начало* будущего, по всем правилам сделанного исследования, чья основная миссия — помочь исследователю четко сформулировать проблему, предмет, задачи готовящегося исследования. Качественное же исследование, даже ориентированное лишь на простое или плотное описание ситуации через конструкты изучаемых людей, всегда производит самодостаточный результат, новое знание, ценное само по себе, без его обязательной связи с будущим исследованием.

В чем причины *методологической невнятицы, дефицита методологической компетентности* в российском социологическом сообществе?

В первом приближении, на мой взгляд, можно выделить несколько таких факторов. Первый, и здесь можно согласиться с О. Божковым³, — это низкое качество преподавания методологии социологического исследования в российских вузах. Вместе с тем, мне кажется, дело не только в том, что эту дисциплину преподают те, кто сами никогда исследования не проводили: преподаватели, а не исследователи, как полагает О. Божков. Главная беда в другом: ее преподают *слишком узко, инструментально*, когда акцент делается на *технологии использования метода, а методологическому контексту* метода, *методологической почве*, определяющей его, не уделяется никакого внимания. Поэтому в лучшем случае мы имеем на выходе искусного специалиста, владеющего конкретными методами, но слабо представляющего общую логику исследования, конкретные «правила игры» на классическом, качественном или активистском полях социологии, круг задач, релевантных для этих методологически разных пространств. Такой «узкий» исследователь умеет, может быть, использовать конкретный метод, но не знает, *почему надо делать именно так*, не проблематизирует собственное методическое знание, и соответственно потенциально обречен на методологическую эклектику, «смешение жанров», на низкое качество исследования, в конечном итоге.

¹ В российской социологии есть прекрасный пример такого исследования, осуществленного Социологическим институтом РАН: Расскажи свою историю. СПб.: Бильбо, 2005.

² Gubrium J., Holstein G. The New Language of Qualitative Method. New York: Oxford University Press, 1998. P. 5–14; Готлиб А. Качественное социологическое исследование: познавательные и экзистенциальные горизонты. Самара: Универс-групп, 2004. С. 133–136.

³ Качественные и количественные методы // Социс. 2004. №9.

Еще одна причина, как мне видится, состоит в недоиспользовании в учебном процессе возможностей истории социологии. К сожалению, в большинстве вузов она подается как история содержательных идей в отрыве от методологических, эпистемологических проблем, которые всегда идут рука об руку с проблемами содержательного плана. Вместе с тем, «поворот к методологии» в преподавании истории социологии мог бы сделать теоретические баталии XIX–XX веков насущно необходимыми сегодняшним социологам, поднять их интерес к методологическому знанию в целом.

Немаловажным мне представляется и отсутствие публичных научных обсуждений, посвященных методологическому знанию, в рамках которых обсуждались бы дискуссионные проблемы каждой из существующих методологий социологического исследования. Правда, появившаяся в последнее время на сайте РОС оживленная дискуссия, посвященная, в том числе, и методологическим проблемам, оставляет надежду.

Партисипаторная стратегия работы с визуальными данными

Богданова Наталья Михайловна,
Самарский государственный университет

Известно, что любой визуальный объект, в том числе и отраженный в фотографии, может быть полисемантическим. Знаменитый американский поэт Уолт Уитмен писал: «Я не сомневаюсь, что в самых тривиальных вещах <...> заложено больше, нежели я предполагал»¹. Даже притом, что, как правило, социальные фотографы и классические фотографы-реалисты стремятся к наиболее точному воспроизведению жизненных явлений, каждый человек, рассматривающий впоследствии фото, сознательно или бессознательно видит в этих явлениях собственные смыслы.

Пожалуй, насколько богато и разнообразно всё визуальное в нашей жизни, настолько разнообразны и исследовательские подходы к анализу визуальных образов. Методологически на сегодняшний день в социологии нет какой-то единой, стройной процедуры изучения образов. Поэтому социологам при анализе и интерпретации изображений пока, как правило, приходится прибегать к традиционным методам искусствоведения, семиотики, культурной антропологии и этнографии.

Тем не менее, довольно четко прорисовываются два направления использования визуальных данных: (1) как самостоятельный инструмент сбора первичной информации, когда социолог сам, вооружившись камерой, выходит в исследовательское поле, (2) как документы, когда исследователь анализирует уже готовые, сделанные кем-то другим, снимки и видео, содержащие и отражающие то или иное социальное явление.

Маркус Бенкс и ряд других ученых выделяют и третий вид визуальной регистрации: совместную (коллаборативную² или партисипаторную³) репрезентацию. На наш взгляд, такую совместную репрезентацию корректнее рассматривать скорее как особую исследовательскую стратегию, в рамках которой могут протекать оба указанных подхода к визуальным данным.

Таким образом, перед исследователем открываются три потенциально возможных способа работы с визуальным: изучение общества посредством создания образов, изучение образов для получения информации об обществе и сознательное сотрудничество с объектом исследования или другими группами людей в процессе производства и анализа визуальных репрезентаций.

Первое направление исторически можно назвать самым ранним, поскольку с момента изобретения фотоаппарата, уже в конце 19 века фотографии стали активно использоваться антропологами, как отмечает М. Бенкс, в качестве «визуального блокнота» (visual notebook), при регистрации аспектов материальной культуры, созданной отдельными общностями. А с созданием в 1895 году портативной видеокамеры подобную функцию стали выполнять и документальные видеоленты. В наши дни интерес исследователей составляет уже не только фиксируемая на

¹ Зонтаг С. О фотографии // Мир фотографии / Сост. В. Стигнеев, А. Липков. М.: Планета, 1998.

² Banks M. Visual methods in social research. London: Sage, 2001.

³ Ярская-Смирнова Е., Романов П. Взгляды и образы: методология, анализ, практика // Визуальная антропология: настройка оптики / Под ред. Е. Ярской-Смирновой, П. Романова. М.: Вариант; ЦСПГИ, 2009.

плёнку культура или общество, но и сам процесс создания фото и видео, выбор того или иного ракурса, реакция людей-объектов съёмки, соответствующий контекст. Одним словом, всё то, что прямо и косвенно сопутствует созданию конкретного кадра. Ибо «съёмка — событие само по себе»¹.

В российской социологической практике исследований такого рода, когда исследователь сам с помощью фото- и видеокамеры фиксирует те или иные феномены общественной жизни, пока не так много, хотя постепенно и наши социологи начинают брать в руки камеру. Куда больше наших соотечественников работает в рамках второго направления использования визуальных данных. На сегодняшний день исследования визуального в среде российских социологов — это, чаще всего, работа с уже готовыми, не созданными лично исследователем, фото- и видеоизображениями. Активно используются материалы семейных фотоальбомов, фотографии в популярных изданиях нынешних и прошлых лет, художественные фильмы.

Коллаборативная (collaborative), или партисипаторная стратегия работы с визуальными данными представляет собой случай, когда сами представители изучаемой социальной группы включаются в креативный процесс исследования, активно сотрудничают с исследователем, порой акцентируя его внимание на тех или иных фактах и сторонах изучаемого феномена. В то же время коллаборативная стратегия фокусируется не только на совместном сборе и анализе данных, но в некоторых случаях ещё и оказывает специфическое воздействие на реальность, способствуя пересмотру сложившиеся в той или иной области практики². Так Е. Ярская-Смирнова и П. Романов приводят в пример то, как пациенты начинают обучать врачей посредством визуальных нарративов, а дети, фотографируя «опасные» и «безопасные» места внутри и вокруг школы, убеждают администрацию и сотрудников ЮНИСЕФ в необходимости реорганизации пространства.

Считается, что впервые такая партнерская, коллаборативная, работа с фотографиями появилась в 1972 году, и применили её американские антропологи Сол Ворт и Джон Адейр. Они раздали фотоаппараты представителям племени навахо, провоцируя спонтанные снимки, представляющие мир глазами местного сообщества³. Этот способ работы с визуальными источниками информации практически не представлен на сегодняшний день в российской социологической практике, но очень активно развивается за рубежом.

Одним из наиболее ярких и интересных исследовательских опытов в русле данной стратегии является работа английской исследовательницы Элизабет Чаплин⁴. Она фотографировала каждый дом и большинство жителей одной из лондонских улиц, где сама проживает, чтобы собрать этнографические данные об обычной повседневной жизни и культуре Соединенного Королевства, зафиксировать своеобразный срез жизни 2000-го года (“slice of life in the year 2000”, по выражению автора). Затем исследовательница просила людей, которых сфотографировала, написать заголовок к их фото. А по завершению этапа сбора фотографий Чаплин организовала встречу, где жители улицы, участвовавшие в исследовании, могли бы обсудить сам проект. Элизабет Чаплин сделала большое количество собственных полевых записей о проекте, которыми поделилась с некоторыми из жителей. Все исследовательские методы, цели и теоретически разработки, по её словам, были взаимосвязаны в проекте. При этом, обращенный к единой цели, определенный исследовательский интерес сдвигался, как только обнаруживались новые моменты в процессе изучения.

Так как исследовательница фотографировала жителей непосредственно у входа в их дома с желательным присутствием всех членов семьи, одними из ключевых моментов визуального анализа становились особенности расположения жителей относительно пространства дома и относительно других членов семьи во время съёмки. Некоторые из жителей (жители 6-ти домов из 36-ти попавших в проект) отказались фотографироваться, но позволили запечатлеть парад-

¹ Зонтаг С. Цит. соч.

² Ярская-Смирнова Е., Романов П. Цит. соч.

³ Штомпка П. Визуальная социология. Фотография как метод исследования: учебник / Пер. с польск. Н.В. Морозовой; вступит. ст. Н.Е. Покровского. М.: Логос, 2007.

⁴ Chaplin E. The Photograph in Theory // Sociological Research Online, Volume 10, Issue 1. <<http://www.socresonline.org.uk/10/1/chaplin.html>>.

ную дверь дома, что тоже стало своеобразным результатом и предметом последующих интерпретаций. Также не все жители ответили на просьбу подписать свою фотографию, это сделали 27 человек из 30 сфотографированных, причем 18 из них разрешили использовать их настоящие имена.

Визуальные и вербальные материалы, которые Чаплин собрала и сделала доступными для читателя, составляют ценный аспект социологической практики в изучении повседневности. В анализе фотографий, заголовков, и своих полевых заметок Элизабет Чаплин ссылается на концепции, изложенные в работах Ирвинга Гофмана, Стюарта Холла¹ и др. Так, например, следуя концепции Гофмана, Чаплин рассматривает возможность группировки фотографии в соответствии с различным визуальным отображением гендерного неравенства. Или, согласно концепции Холла, обдумывает группировку фото в зависимости от того, как различные типы заголовков производят визуальное значение (*visual meaning*).

Э. Чаплин признаёт, что ценным источником информации стали партнерские, коллаборативные отношения с людьми, ставшими объектом её съёмки. На протяжении всего времени, пока шло исследование (2000–2002 годы) автор проекта поддерживала связь с участниками фотосъёмки. Заголовки жителей к своим фотографиям и их личная интерпретация получившихся изображений существенно помогали исследовательнице в её собственном анализе фотографий. И хотя при этом Элизабет Чаплин соглашается с И. Гофманом в том, что значение образа никогда не может быть указано абсолютно точно, для себя наиболее интересным она считает не сами значения, а то, как они меняются и формируются.

Другой пример коллаборативного создания визуальных репрезентаций — проект группы американских исследователей, изучающих работающих подростков². Основной их задачей, по словам самих исследователей, было внести вклад в дискуссию о роли фотографии в социологическом исследовании. В своём проекте авторы сочетали создание фотографий о трудовой жизни подростков с традиционными социологическими методами: интервью, фокус-группой и анализом письменных дневников. Но, главной особенностью данного исследования было то, что социологи не только сами вели фотосъёмку, но и выдали простые фотокамеры с фиксированной фокусировкой самим изучаемым ими подросткам, то есть сами подростки становились уже активными участниками процесса (*active participants*), а не просто пассивными субъектами (*passive subjects*). При этом исследователи рассматривали как данные микроуровня, так и макроуровня, содержание, и форму полученных визуальных данных. А в заключении изучали соответствие и разобщение между визуальными данными и другими формами данных, оценивая использование фотографии, как инструмента в развитии социологического понимания детской занятости.

Фотоматериалы, собранные исследователями в процессе съёмки, как отмечают сами авторы, имели тенденцию подтверждать письменные и устные отчеты о содержании работы подростков и природе рабочих мест, приводя визуальное доказательство той информации, которую социологи начали собирать посредством привычных, не визуальных, способов и методов. Однако с помощью фотографий, которые представили сами подростки, исследователи открыли для себя такие ракурсы и сюжеты рабочих мест, которые не замечали до сих пор и которые обычно не видят посетители. Некоторые из этих объектов съёмки были, несомненно, новыми данными для авторов проекта: материальная окружающая обстановка рабочих мест молодежи (инструменты, оборудование), коллеги и постоянное внутреннее устройство их ежедневных или еженедельных трудовых будней. Так же отсутствие людей и «действия» на некоторых из фотографий стало столь же существенным, как и зафиксированные фотографом интеракции.

Кроме того, сама форма изображений показала относительную беспомощность подростков на работе. Многие фотографии были схвачены, не только как стоп-кадр активной сцены, но также и в процессе проведения скрытой съёмки. Несколько подростков решили не принимать

¹ Goffman E. *Gender Advertisements*. New York : Harper & Row, 1979; *Representation: Cultural Representations and Signifying Practices* / Ed. by Stuart Hall. London; Thousand Oaks, Calif.: Sage; the Open University, 1997.

² Bolton A., Pole C., Mizen P. *Picture This: Researching Child Workers* // *Sociology*. Vol. 35. No. 2. P. 501–518. (<http://club.fom.ru/books/bolton.pdf>)

участия в фотографической стадии исследования, боясь, что создание фотографий могло бы подвергнуть опасности их занятость. Некоторые, из тех, что согласились сделать фотографии, возвратили камеры только с одним или двумя кадрами, так как работодатели попросили их прекратить фотосъёмку. В таких ситуациях именно это отсутствие фотографий уже начинает говорить об опытах работы детей, предоставляя возможность проникнуть в суть властно-управленческих отношений, которыми регулируется трудовая занятость подростков.

Особенностью коллаборативной стратегии является то, что при ней, как правило, исследователю приходится открыто заявлять истинную тему исследования респонденту, чтобы подтолкнуть его к осмысленному контакту. Ведь, по сути, в данном случае исследователь и респондент должны стать равноправными партнерами, естественно, насколько это возможно, учитывая изначально разную их мотивацию к участию в исследовании. Необходимо постараться уяснить, что респондент действительно понял тему визуального анализа и расставил правильные акценты. От этого зависит качество результата совместной работы. В то же время исследователю на начальном этапе коллаборативной работы нельзя излагать респондентам свои личные оценочные суждения, намекать, как бы оценил ту или иную фотографию он сам.

Задачи в рамках партисипаторной стратегии могут быть следующими: (1) выяснить, совпадают ли выделенные исследователем особенности изучаемых визуальных репрезентаций, и (2) определить, насколько схоже считаются смыслы, скрытые за визуальными данными. Решение этих задач, в свою очередь, позволит узнать, являются ли принятыми, разделяемыми и понятными те или иные представленные в повседневной жизни визуальные послы. А это уже даст основания говорить о наличии устоявшихся в данном обществе визуальных стереотипов, нормах и идеалах.

Безусловно, партнёрские отношения исследователей с социальными акторами в процессе создания визуальных репрезентаций, способны предоставлять социологам доступ к более широкому спектру данных и более глубоко раскрывают сам изучаемый социальный процесс. При этом, как отмечают исследователи, работающие в данной стратегии (Э. Чаплин, А. Болтон и др.), у этого способа есть исключительный потенциал: когда участники исследования фотографируют, исследователь не знает, как будут развиваться данные, и поэтому не является окончательным повелителем формы или содержания¹.

Наконец, всегда возможна ситуация, когда исследователь, длительное время работающий с определенными снимками, рассматривающий их сквозь свою исследовательскую призму, может, что называется, приглядеться и не замечать важных деталей. В данном случае вмешательство аутсайдера способно повысить остроту зрения исследователя, а вместе с тем, с одной стороны, существенно обогатить исследовательские интерпретации, а, с другой стороны, осуществить своего рода триангуляцию выводов.

Альбомная культура девичества: опыт анализа одного жанра

Дементьева Екатерина Александровна,

Уральский государственный педагогический университет

Современная школьная девичья альбомная традиция, традиция письменного фольклора является наследием альбомной культуры прошлого. Альбомная культура XIX века (а именно альбомы барышень, которые являлись неотъемлемой частью салонной культуры²), альбомы воспитанниц гимназий, альбомы советских школьников и, позже, российских школьниц неоднократно становилась предметом научных изысканий. Исследованию этого феномена уделено достаточно внимания и историками, и фольклористами, и исследователями детства. В работах подробно описан жанровый состав альбомов и отмечены особенности их оформления, характерные для этого документа в разные исторические периоды его бытования. Эти особенности непосредственно связаны как с массовизацией альбомной традиции на первых стадиях ее развития, что, по словам В.Э. Вацура, приводит к формированию своеобразного «альбомного фолькло-

¹ Ibidem.

² См. например: Лотман Ю.М. Роман А.С. Пушкина «Евгений Онегин»: Комментарий. Л., 1983. С. 241.

ра»¹, так и с образом жизни владельцев этих документов. Традиция ведения альбома изобилует красками и сменяющимися друг друга сюжетами от фамильных гербов, символики цвета и вложенных локонов, до мальчиков-барабанщиков и кукол Барби. Но современный альбом, содержащий в своей структуре различные жанры альбомной культуры (например: гадалки, анкеты, песенники, школьную хронику и пр.), по сути, является наследником первоначальных альбомов. Как и первые альбомы гимназисток, альбомы современных школьниц являются рукотворными документами маленьких девочек, вступающих в переходный возраст. Как отмечает В.Ф. Лурье, аналогичные альбомы есть у детей и в других странах. Они обнаруживают большое сходство в оформлении (имена, сердца, цветы и прочее), в них много вырезанных картинок, записей на память, шуток. И, конечно, они заполнены стихами и стихотворными посвящениями².

Школьная девичья альбомная культура — не высокое искусство, а феномен современной актуальной культуры, востребованный школьницами 11–14-летнего возраста. Документы, определяемые как источники альбомной культуры девичества, могут стать источником информации при изучении мира подростка, культуры общения сверстников и многого другого, отражая целые «эпохи» детского творчества. В многообразии исследовательских подходов к альбомной культуре можно выделить ряд направлений, которые являются основополагающими в изучении детских письменных источников:

1) *исторический подход*: детский текст рассматривается как источник, в котором отражена определенная эпоха и зафиксирован детский взгляд на происходящее³;

2) целенаправленное и систематическое собирание и классификация *детского фольклора*, в рамки данного направления попадают и источники альбомной культуры;

3) *исследования детской субкультуры и мира детства*: освоение пространства окружающего мира, способы взаимодействия между детьми, возможности социализации⁴.

На протяжении более чем ста лет существования альбомной культуры в нашей стране исследователи, в основном, сталкивались с письменными источниками, созданными девушками в определенном возрасте с целью познания окружающей социальной действительности и ее отражения на страницах тетрадей в клеточку или альбомов для рисования. У современных школьниц практически не остается шансов для создания подобных источников: их вытесняют типографские альбомы, созданные по образу самодельных девичьих документов. Важно отметить, что механизм трансляции альбомной культуры осуществлялся и осуществляется путем передачи информации о подобном роде занятия от одной возрастной группы школьниц к более младшему поколению (эти документы могли быть переданы, показаны или об их существовании рассказывали). На современном этапе развития альбомной культуры в механизм трансляции включается взрослый адепт (например, мама школьницы), которая покупает «заготовку» альбома (или какой-либо отдельный жанр альбомной культуры, например, анкету), которые постепенно «стирают» из общей девичьей памяти существование рукописного альбома: он не воспроизводится, т.к. нет такого шаблона.

Сравнивая типографские и рукописные источники, можно увидеть, как и в чем они различаются по структуре, возможностям оформления, образному насыщению и воспроизводству «альбомного фольклора». В своем исследовании, мы предприняли попытку такого сравнения: Нами был проведен анализ обложек личных документов девушек с целью прочтения субъективной информации, которая заключена в графических и словесных формах.

¹ Вацура В.Э. С. Д. П. Из истории литературного быта пушкинской поры. М.: Книга, 1989. С. 15.

² Лурье В.Ф. Девичий альбом XX века // URL: [www.ruthenia.ru/folktee/CYBERSTOL/I_AM/dev_albom.html], 24.07.2008

³ См. например: Сальникова А.А. «Детский» текст, его значение и специфика для реконструкции детской памяти и восприятия «эпохи российских катастроф» // URL: [http://www.nbu.gov.ua/portal/Soc_Gum/khiz/2006_8/Sal'nikova_A_A.pdf], 25.04.11

⁴ См. например: Борисов С.Б., Культурантропология девичества: Морфология и генезис девичьей составляющей современной неофициальной детско-подростковой культуры // URL: [http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/Borisov/_06.php], 25.04.11; Осорина М.В. Секретный мир детей в пространстве мира взрослых. СПб.: Речь, 2004; Майорова-Щеглова С.Н. Детская субкультура — неинституционализированный сектор детства // URL: [www.childsoc.ru/doc/child_sub_kult.pdf], 25.04.11

Аналізу было подвергнуто 13 документов, 7 из которых сделали сами девушки, а 6 — это покупные, готовые к «использованию». Первоначально, мы обратились к рассмотрению формы документов. И первое, что мы делаем, пытаясь оценить документ, как и те, кто будет им пользоваться или уже пользовался, — это берем его в руки: во время прикосновения к обложке документа, его тактильного восприятия начинается общение. Основой всех самодельных источников, имеющихся у нас, является общая тетрадь. Все обложки из более плотной бумаги, нежели сами страницы тетрадей, что служит дополнительной гарантией сохранности содержимого. Но эти плотные обложки со временем теряют свой вид: загибаются края, появляются потертости, рвутся переплеты и др. И только два из семи документа имеют прозрачную полиэтиленовую обложку. Возможно, дополнительные меры по сохранности внешнего вида, а в последствие и содержимого, — это проявление «хозяйской» заботы, ответственности, либо просто аккуратности, свойственной владелице документа. Мы предполагаем, что для большинства «хозяек» полиэтиленовая обложка вообще не имела значения, несмотря на то, что обычно все тетради школьников имеют такие обложки. И это наталкивает нас на вывод о том, что альбомы, будучи даже просто тетрадями, воспринимаются девочками уже не как тетрадь, а как нечто иное, выходящее за рамки учебы, не имеющего атрибуты учебной деятельности. Купленные в магазине альбомы, как и самодельные, отличает плотность обложек: 3 в твердом переплете, другие 3 в плотном картоне. Но даже в твердой обложке одна из «анкет» дополнительно обернута в прозрачную обложку. Твердые обложки придают дополнительный вес альбому, возможно не только в прямом значении этого слова, но и как вес в отношении к документу, который может держать в себе что-то весомое. Однако оценить твердую обложку и почувствовать отличие, прикоснувшись к ней, возможно при покупке альбома в таком переплете, и это становится одним из критериев, скорее всего неосознанным, при выборе альбома. В книжном магазине мы можем найти следующие жанры альбомной традиции: «Альбом для девочек. Мои секреты», «Личный дневник», «Альбом от «звезды», «Маленькая принцесса», «Магия. Гадания» и др.

Помимо того, что мы берем документ в руки, мы смотрим на него. Получаемая при этом информация более осознанна нами, нежели та, которую мы получаем посредством прикосновений. Каждый из самодельных документов, анализируемый нами, представляет собой объект коллективного творчества тех ребят, которые заполняли альбом. Первой свой вклад в оформление документа вносит владелица. Она представляет лицо своего «товара», стараясь усовершенствовать обложку уже не ученической тетради. Для усовершенствования подобного рода использованы два способа: аппликация и рисунок. Рисунки выполнены фломастерами и носят скорее графический характер, нежели изображают какой-то конкретный образ. При аппликации возможно полное или частичное покрытие поверхности обложки. Для этого используются различные красочные материалы, вырезки из молодежных журналов (также к аппликации мы относим наклейки). Образы, складывающиеся посредством работы с обложкой самодельной анкеты, представляют нам два важных для этого возраста полюса: на одних анкетах это герои сказок, мультиков, изображения животного мира, но тоже сказочного, на других — актеры популярных молодежных сериалов, певцы. Т.е., на обложках встречаются два значимых мира, один из которых — мир детства — постепенно перестает быть принадлежностью раннего подросткового возраста, а другой — мир юношества — наоборот, актуализируется в сознании девушек. Это негласное противостояние миров социализирующих образов окончательно завершается на обложках покупных альбомов. Предлагаемые девочкам и мальчикам смыслы, заключенные в оформлении обложек, диктуют, возможно, правила игры гендерной социализации подростков. Поскольку мы видим не просто людей или спонтанные изображения, а образы, трактуемые однозначно как символы любви, влюбленности, отношений между мальчиками и девочками (например, красное сердце, амур, совместно изображенные девушка и молодой человек, обнимающие друг друга). Источники, созданные взрослыми, предназначены исключительно для внутренней коммуникации между девочками. Эти призывы выражены в форме названий:

- ✓ Дневник для девочек (мои секреты);
- ✓ Я и мои секреты. Альбом для девочек;
- ✓ Анкета для девочек. Дела сердечные;
- ✓ Анкета. Пора влюбиться!

- ✓ Девочки, анкета для вас и ваших друзей. Анкета о любви;
- ✓ Анкета для друзей (в центре обложки красное сердце).

Эти названия даны предлагаемым документам взрослыми, а не самими носительницами альбомной культуры. Сами же девочки называют свои творения в пределах одного жанра: «Анкета для друзей», «Анкета для друзей и подруг», либо просто «Анкета», «Альбом». В этих названиях нет намека на девичью тайну, нет подтекста любви — представляющейся своеобразной тайной для подросткового возраста. В данном случае мы можем говорить о секретах внутри определенной группы, заполняющей «анкету» и включенную в подобную коммуникацию, секретов от *недрузей*. Секретной становится информация различного характера, и дополнительно не делается акцент на содержании информации. Можно быть только одноклассником, но, заполнив анкету, ты принял предложение быть еще и другом хозяйки «анкеты», и своеобразным обрядом инициации при этом становится акт раскрытия своих «тайн».

Как отмечают исследователи альбомной культуры¹, в альбомах предыдущих эпох упоминание о влюбленности носило сакральный характер, интимные отношения не упоминались. Текст же, содержащийся в «анкетах» современных альбомов, естественно, отражает облик современной аудитории альбомной культуры. Текст является некой проекцией образа подростка, в то же самое время, подросток воспринимает советы, содержащиеся в латентной форме в жанрах, воспроизводимых в тиражированных «анкетах». Отметим, что даже незаполненная «анкета», содержащая в своей структуре подобные формы социализации, оказывает влияние на подростков. На основе полученных данных, мы можем заключить, что, заполняя тиражированную «анкету», школьники ведут внутренний диалог не с хозяйкой, а с самой «анкетой», тогда как самодельные документы дают возможность скрытого межличностного общения.

Та информация, которую мы извлекаем из обложки как художественного образа, является субъективной, но она востребована участниками альбомной коммуникации: владелицами, заполняющими. На современном этапе развития альбомной культуры к обозначенным участникам дополняются взрослые, покупающие альбомы детям, и издательские агентства, выпускающие типичные образцы альбомных жанров. Будучи печатным изданием, «анкета» предоставляет и объективную информацию, расположенную сзади на обложке или на внутреннем форзаце. Мы видим, что у альбомов есть тираж, что невозможно для самодельного документа. Над оформлением работают дизайнеры, иллюстраторы, составители. Имеющиеся у нас источники датируются разными годами выпуска: 1998 — 1 экз., 1999 — 3 экз., 2007 — 2 экз. Нам известно, что первые печатные альбомы появились еще в XIX веке, но они имели форму незаполненных блокнотов, являясь лишь основой для будущего шедевра. Современные, полностью структурированные альбомы появились во второй половине 1990-х гг. Возможно, что альбомы, выпущенные в 1998 г., были первыми на рынке альбомной индустрии. Их тираж составил 50 000 экземпляров. Анкеты, выпущенные в 1999 г., имели тираж 10 000 и 100 000 экземпляров, а также дополнительный тираж в 100 000, анкеты 2007 г. — тираж 50 000 и дополнительный 48 000. Если хотя бы половина изданных «анкет» были куплены и заполнены, мы можем говорить о том, что 179 тысяч девушек являлись хозяйками однотипных документов. Наличие типографской «анкеты» как-то связано с вероятностью того, что самодельной «анкеты» не появится. Скажется ли отрицательно такое положение на развитие альбомной культуры в целом, можно будет судить со временем. Из имеющихся у нас самодельных «анкет» две датируются 1998 г., три — 1999 г., две — 2000 г., т.е. на данном этапе развития альбомной культуры, оба типа документов существуют параллельно.

Уже на первом этапе приобщения к альбомной культуре, включения в коммуникацию посредством письменного источника, начинают действовать социализирующие механизмы, заложенные в целом в альбомах и, следовательно, в отдельных жанрах. Сейчас мы можем говорить об искусственном управлении этими механизмами со стороны взрослых, которые являются «невидимыми» агентами социализации подобного рода общения.

¹ Белоусов А.Ф. «О воспитании благородных девиц в Санкт-Петербурге...» // Отечественные записки. 2004. №3. [http://magazines.russ.ru/oz/2004/3/2004_3_17-pr.html]

Выборка в качественном социологическом исследовании как теоретико-методологическая проблема

Измайлова Татьяна Вячеславовна, *НИУ ВШЭ*

Для определения особенностей качественной социологии обратимся к фундаментальным вопросам, на которых основывается методология социальной науки. У истоков теоретических дискуссий о методологиях социальных наук стоит проблема объективности. Эта проблема может быть рассмотрена в двух ракурсах: как наличие объективной и независимой реальности, которую социальная наука предполагает изучать, и как соответствие полученных результатов этой реальности.

В эпоху становления индустриального общества, в период возникновения социальной науки в оппозиции «индивид и общество» классическая социология делает акцент на изучение «общества индивидов». Общество воспринималось ею как объективная реальность, «субъективные характеристики индивидов нивелировались путем обобщения массовых данных»¹ и применения статистических показателей. Позднее в социальной науке появился и другой ракурс рассмотрения социальной реальности, который сосредоточивал внимание на индивидах как относительно самостоятельных по отношению к обществу субъектах. Предмет качественной парадигмы социальной науки формулируется как «общество в индивидах»². Используя терминологию В. Семеновой, можно сказать, что «если центральной проблемой первого дискурса (общество–индивид) являлась проблема социального порядка, то сутью второго дискурса (индивид–общество) стала проблема относительной свободы и социального выбора индивидов»³.

Модель классической социальной науки базируется «на постулате о независимости данных от наблюдателя». Данные, полученные таким образом, считаются объективными и поддаются внешнему наблюдению и верификации. В этой модели имплицитно присутствует требование повторяющегося и качественно неизменного предмета исследования⁴. Проблема субъективности исследователя в количественном исследовании является методологически важной, влияние исследователя на результаты исследования нормативно минимизируется. Качественная стратегия признает «принципиальную невозможность исключить влияние исследователя на объект исследования»⁵, считает субъективность исследователя важным методологическим принципом, подразумевая рефлексивность исследователя-субъекта и его способность к пониманию смыслов, которым наделены действия и предметы социальной реальности. И. Чудова пишет: «Субъективность проявляет себя в способности исследователя погрузиться в язык других (культур), понять и ретранслировать их смыслы в научный дискурс»⁶. Таким образом, специфика объекта исследования, заключающаяся в способности к саморефлексии, свободе выбора, наделяющей смыслом действий и предметов социальной реальности, требует наличия субъективности, «которая обеспечивает дискурсивную чувствительность, открывает доступ к «картинам мира» других, становится полезной при интерпретации»⁷.

В научной литературе между качественной и количественной методологией проводится четкое разделение, согласно которому классическая социология пытается объяснить социальную реальность, а качественная социология — понимать ее. В качественной методологии предполагается, что «на основании понимания и переживания самого себя у исследователя формируется понимание чужих жизненных выражений и личностей»⁸. Представители качественной методологии полагают, что социология не должна только со стороны регистрировать результаты его

¹ Семенова В.В. Качественные методы: введение в гуманистическую социологию. М.: Добросвет, 1998.

² Бергер П. Приглашение в социологию. М.: Аспект Пресс, 1997. Гл. 4.

³ Семенова В.В. Качественные методы...

⁴ Шанин Т. Методология двойной рефлексивности в исследованиях современной российской деревни // Ковалев Е.М., Штейнберг И.Е. Качественные методы в полевых социологических исследованиях. М: Логос, 1999.

⁵ Шанин Т. Методология...

⁶ Чудова И. Постмодернистская социология и качественная методология: идеологические пересечения // Социальная реальность. 2008. № 6.

⁷ Семенова В.В. Качественные методы: введение в гуманистическую социологию. М.: Добросвет, 1998.

⁸ Семенова В.В. Качественные методы...

деятельности, она должна «распознавать те смыслы, которыми люди наделяют свои действия». Как определяет В. Семенова, понимание предполагает непосредственный контакт и прямое постижение объекта путем «сопереживания ему всеми силами нашей сущности... в живом беспокойстве»¹. Объяснение в рамках качественной стратегии не полностью отрицается, а скорее приобретает менее яркую форму, «не столь жестко детерминированную, как в предшествующих моделях социологической мысли»². В данном контексте качественная методология представляет собой определенный синтез «понимания, достигнутого через социальное взаимодействие с другими, и объяснения, достигнутого через взаимодействие теории и фактов»³.

Важной основой качественной социологии является релятивизм, научный принцип, признающий неограниченную множественность истин и их описаний. Согласно качественной методологии, каждая человеческая ситуация уникальна. При проведении качественного социологического исследования, исследователь стремится слой за слоем вскрыть и понять процесс наделяния смыслом действия людей, предметов социальной реальности и сам процесс упорядочивания социальной действительности человеком. Каждый человек, как представитель социальной группы, «помимо схожего социального опыта имеет свои особые переживания и страдания, которые в совокупности складываются в их специфический «жизненный мир»⁴. В. Семенова пишет: «Главным ракурсом интереса качественной социологии становится общее и особенное в опытах и действиях конкретных людей»⁵.

Множественность в качественной методологии распространяется также на гибкость и вариативность в применении методов исследования и способов анализа. Качественной методологии присущ естественный способ познания объекта, что подразумевает «неструктурированные методы сбора данных и анализ ситуации или процесса во всем жизненном многообразии составляющих элементов»⁶.

Логика проведения качественного исследования имеет итерационный характер: ведение аналитики идет параллельно со сбором информации, достраивание и перестраивание теоретических обобщений происходит в ходе контакта с полевым материалом. Таким образом, теория «формируется в ходе исследовательского поиска, следуя логике и нюансам поля»⁷. Выводы, полученные в качественном исследовании, носят относительный характер и могут быть отвергнуты последующими исследованиями на других объектах. В качественном исследовании в ходе проведения исследования допускается критическое переформулирование используемых понятий и отказ от некоторых из них, введение новых понятий.

И. Чудова выделяет несколько направлений критики качественной социологии представителями количественной социальной науки:

1) субъективность исследователя и результатов исследования. Качественная методология считает субъективность исследователя важным методологическим принципом, подразумевая «рефлексивность исследователя-субъекта и его способность к пониманию смыслов, которым наделяются действия, и предметы социальной реальности»⁸;

2) сложности в обобщении качественных данных. Качественная методология использует аналитическое обобщение, которое противостоит статистическому, активно используемому в количественных исследованиях. «Аналитическое обобщение предполагает сравнение характеристик одного объекта с аналогичными объектами для подтверждения или опровержения первичных выводов»⁹;

¹ Семенова В.В. Качественные методы...

² Абельс Х. Романтика, феноменологическая социология и качественное социальное исследование // Журнал социологии и социальной антропологии. 1998. Том 1. №1.

³ Абельс Х. Романтика...

⁴ Семенова В.В. Качественные методы...

⁵ Семенова В.В. Качественные методы...

⁶ Семенова В.В. Качественные методы...

⁷ Абельс Х. Романтика...

⁸ Чудова И. Постмодернистская социология...

⁹ Семенова В.В. Качественные методы...

3) слабая формализация процедур анализа, имеющих интуитивные и имплицитные основания. По мнению критиков, свободная манера изложения и презентация материала, характерная для качественной социологии, дискредитирует претензии текста на научность. Создание научного текста в рамках качественной методологии непременно тесно связано с контекстом изучаемого феномена. Результаты исследования представляет собой воспроизведение нарративов из речи исследуемых и комментарии исследователя.

Вопрос об отборе единиц наблюдения в методологии социальной науки является одной из ключевых теоретических проблем, одним из аспектов критики качественной методологии представителями количественной социологии. Достаточно спорным является вопрос теоретической правомерности и адекватности применения термина «выборка» в контексте качественной методологии, в западной социологической науке для обозначения данного понятия также применяется термин «отбор случаев». Поэтому в качественной методологии «понятие типичного случая» приобретает особое значение. Согласно феноменологической теории А. Шютца, «интерпретация социальной реальности несет в себе одновременно индивидуальное восприятие и типизированные образы, которые воспроизводят ситуации, имеющие определенное сходство»¹. В результате в каждом объекте окружающего мира можно выделить индивидуальные и типичные характеристики, которые находятся в «поле не подверженного сомнению предшествующего опыта»².

О процедуре выборки в качественном исследовании Семенова пишет: «При любой тактике отбора единиц наблюдения необходимо логическое обоснование своего выбора, хотя бы на уровне здравого смысла, для подтверждения в дальнейшем достоверности своих выводов»³. Согласно автору, здравый смысл в вопросе отбора единиц наблюдения способен заменить «процесс обоснования выборки в количественном исследовании и при рациональном объяснении принципов отбора снимает пресловутый вопрос критиков о достоверности и надежности качественных данных»⁴.

Д. ДеПауло проблематизирует вопрос об объеме выборки в качественном исследовании. В определении размера выборки он указывает, что в качественных исследованиях увеличение выборочной совокупности способно уменьшить вероятность существования невысказанных респондентами мнений, подобно тому, как в количественных исследованиях увеличение выборки ведет к уменьшению ошибок и погрешности выборки. «Чем меньше размер выборки, тем более узкий диапазон мнений и фактов»⁵ исследователь может услышать, чем больше размер выборки, тем более полную картину явления он получает. Минимально необходимым размером выборки в качественном исследовании, позволяющим говорить о полноте и валидности информации, является исследование не менее 30 респондентов/случаев.

В качественной методологии наиболее известной социологам является «теоретическая выборка», разработанная Б. Глезером и А. Страуссом в рамках «обоснованной теории»⁶. Данный вид выборки задает принцип отбора случая через логику проверяемой теории, определяющей важные для исследователя особенности данного явления. Цель теоретической выборки состоит в том, чтобы «отобрать случаи, указывающие на категории и их свойства, с целью обнаружения их и концептуальной связи между ними»⁷. Вопросы и сравнения направляют теоретическую выборку и помогают исследователю обнаруживать и связывать категории, имеющие отношение к исследованию.

Е. Ковалев и И. Штейнберг указывают, что «качественное исследование обычно основано на относительно небольших выборках, даже единичных случаях, выбранных в зависимости от це-

¹ Шютц А. Избранное: Мир, светящийся смыслом. М: РОССПЭН, 2004.

² Шютц А. Избранное...

³ Семенова В.В. Качественные методы...

⁴ Семенова В.В. Качественные методы...

⁵ DePaulo P. Sample size for qualitative research // Quirk: Marketing Research Review. 2000. №12.

⁶ Страусс А., Корбин Дж. Основы качественного исследования: обоснованная теория, процедуры и техники / Пер. с англ. Т.С. Васильевой. М: Эдиториал УРСС, 2001.

⁷ Страусс А., Корбин Дж. Основы качественного исследования...

ли всей работы»¹. Выборка в качественной методологии является целевой и целеориентированной. Логика целевой выборки заключается «в отборе информационно богатых случаев для глубинного изучения»². В ходе исследования отбираются случаи, на основании которых можно сделать выводы, имеющие большое значение для целей исследования. В своей книге они выделяют несколько стратегий для формирования целеориентированной выборки качественного социологического исследования: выборка экстремальных или девиантных случаев, интенсивная выборка, выборка максимальной вариации, гомогенные выборки, выборка типичных случаев, стратифицированная выборка, выборка критических случаев, критериальная выборка.

Логика экстремальной выборки заключается в получении информации из уникальных случаев, которые в дальнейшем могут относиться ко всем промежуточным случаям генеральной совокупности. Принцип интенсивной выборки состоит в отборе информационно богатых и значимых случаев, содержащих большой объем информации об интересующем явлении. Выборка максимальной вариации направлена на описание основных аспектов исследуемого явления, которые присутствуют в каждом исследуемом случае. Цель гомогенной выборки состоит в плотном и детальном описании определенной подгруппы случаев. Для выборки типичных случаев единицы наблюдения выбираются в ходе бесед с ключевыми информантами, которые определяют, что «в их жизненном мире является типичным». Цель стратифицированной выборки зафиксировать основные различия между стратами, каждая из которых представляет собой гомогенную выборку. При выборке критических «случаев выгоднее выбрать такой случай, который несет максимальное количество информации и изучение которого способно оказать наибольшее влияние на прирост нового знания»³. Логика критериальной выборки состоит в отборе тех случаев, которые соответствуют заранее определенным исследователем критериям.

М. Маршалл выделяет три стратегии отбора случаев для качественного социологического исследования: целенаправленная, «удобная», теоретическая⁴. Логика целенаправленной выборки состоит в отборе информационно богатых случаев для глубинного изучения. «Удобная» выборка — это наименее строгий тип выборки, требующий наименьших затрат времени и материальных средств исследователя. Теоретическая выборка — это отбор случаев через логику проверяемой теории, определяющей важные для исследователя особенности данного явления. Детали данной стратегии разработаны в рамках «обоснованной теории» Б. Глейзера и А. Страусса.

Концепция индивидуализации как методологическая основа биографического метода

Козырева Лариса Дмитриевна,
Северо-Западная АГС, Санкт-Петербург

Анализ социального — одна из наиболее сложных проблем научного исследования. Изменчивость и динамизм, характерные для социальных явлений и процессов, требуют от социолога постоянного обновления методологической и методической базы исследования. В этом отношении показательна эволюция биографического метода, переживающего сегодня вторую жизнь. Можно сказать, что эта новая жизнь связана с появлением новой методологической основы, которой является концепция индивидуализации.

Как известно, биографический метод появился и нашел применение в рамках интерпретативного (интеракционистского) подхода в классической социологии⁵. У. Томас и Ф. Знанецки, считающиеся основателями метода, полагали, что социальные процессы нужно рассматривать как результат постоянного взаимодействия сознания личности и объективной социальной реальности. Методологической основой биографического метода в его классическом варианте

¹ Штейнберг И., Шанин Т., Ковалев Е., Левинсон А. Качественные методы. Полевые социологические исследования. СПб: Алетей, 2009.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Marshall M.N. Sampling for qualitative research // Family Practice. 1996. № 13.

⁵ Девятко И.Ф. Методы социологического исследования. 5-е изд. М.: Университет, 2009. С. 64.

выступил символический интеракционизм (Дж. Г. Мид, Г. Блумер, А. Шюц и др.), согласно которому за любым социальным взаимодействием стоит постоянное осознание и осмысление людьми их повседневной жизни. Люди не просто пытаются осмыслить и осознать причины и последствия поступков и событий, они взаимодействуют и совершают поступки, основываясь на тех смыслах, которые они приписывают событиям повседневной жизни. Как свидетельствует практика, биографический метод в его классическом варианте и последующих модификациях был весьма продуктивен при исследовании жизненного пути, историй жизни, историй случая и т.д. Однако модернизационные процессы, затрагивающие все сферы общественной жизни, в том числе и частную, вызывают необходимость обращения к теориям, обобщающим, описывающим и прогнозирующим их динамику. К таким теориям относятся теория модернизации и концепция индивидуализации.

Индивидуализация — далеко не новое понятие в социологии: его можно встретить у К. Маркса, Ф. Тённиса, Г. Зиммеля, М. Вебера и др. Все они видели в индивидуализации как ключевой элемент модернизации. Индивидуализация обычно трактуется как «высвобождение» из привычного социального контекста и «реинтеграция» в новые контексты при переходе от традиционного к современному образу жизни. В конце прошлого века понятие индивидуализации возвращается в научный обиход, прежде всего в работах Ульриха Бека, который рассматривает его в рамках собственной концепции модернизации.

Вообще понятие модернизации в макросоциологических исследованиях характерно для англосаксонской школы социологии. Начиная с К. Маркса, представители этой весьма неоднородной школы пытаются создать теоретические модели, объясняющие развитие крупных социальных систем, их историческую эволюцию и современное состояние. Совершенно неслучайно американский историк социологии Дж. Ритцер называет К. Маркса, М. Вебера и Г. Зиммеля «теоретиками, которые занимались социологией современности»¹.

На главный вопрос макросоциологии, в чем сущность современного общества, большинство социологов англосаксонской школы отвечают одинаково: это общество модерна. На этом, пожалуй, завершается все то общее, что их объединяет. Дальше идут различия, причем довольно существенные. К примеру, Э. Гидденс называет современный этап общественного развития «высокой современностью», а Ю. Хабермас понимает современность как «незавершенный проект», которому еще предстоит развиваться в более полное социальное состояние — постмодерна.

Модернизация как основной процесс современности в теоретических построениях социологов англосаксонской школы представлена в двух ее ипостасях: как процесс и как результат общественного развития.

Так, в работах У. Бека различие между традиционной модернизацией (Первый Модерн) и модернизацией индустриального общества (Второй, Другой Модерн) трактуется как различие между простой и рефлексивной модернизацией. Первая модернизация привела к распаду сословного аграрного общества и формированию основ индустриального общества; вторая модернизация «размывает» контуры последнего, порождая новые общественные конфигурации.

Кроме того, в XIX в. модернизация проходила на фоне ее противоположности — традиционного унаследованного мира и природы, которую нужно было познать и покорить. На рубеже XX–XXI вв. модернизация свою противоположность поглотила, уничтожила и в своих индустриально-общественных предпосылках и функциональных принципах уничтожает самое себя. Так, к примеру, классическое индустриальное общество ориентировано на труд ради заработка. Его модернизация приводит к появлению скользящих графиков рабочего времени и смене рабочих мест, что стирает грани между работой и не-работой. Информационные технологии позволяют заново, поверх производственных секторов, связать в единую сеть предприятия, филиалы и потребителей. Таким образом, модернизация как бы устраняет прежние правовые и социальные предпосылки занятости: массовая безработица интегрируется через новые формы многообразной неполной занятости в систему занятости, со всеми вытекающими отсюда рисками и шансами. У. Бек утверждает, что модернизация индустриального общества заменяется модернизацией *предпосылок* индустриального общества.

¹ Ритцер Дж. Современные социологические теории. СПб.: Питер, 2002. С. 486.

Индустриальное общество уходит, по ироничной оценке У. Бека, «без политического треска» (революций, демократических выборов). Происходит «разлом» внутри модерна, отделяющегося от контуров классического индустриального общества и обретающего новые очертания (индустриального) «общества риска». По У. Беку, характерной чертой общества риска является доминирование «логики» производства риска над «логикой» производства богатства, характерной для индустриального общества. В обществе риска в центре стоят модернизационные риски и их последствия, которые проявляются в непоправимом ущербе для жизни людей, животных и растений. В этом обществе выгода от технико-экономического прогресса «оттесняется на задний план» производством рисков. Риски глобализуются, порождая наднациональные и неклассовые глобальные угрозы с их своеобразной социальной и политической динамикой.

Характеризуя общество риска, Бек подчеркивает, что в нем критерии стратификации традиционного общества (доход, образование, местожительства) отходят на второй план. Более того, вторичными оказываются различия между полами в их традиционном смысле.

Как отмечает У. Бек, особенностью социально-структурного развития западных стран (он доказывает это на примере ФРГ) является *эффект лифта*: общество поднялось на этаж выше. Бек показывает реальное противоречие современного западного общества. С одной стороны, сформировалась стабильная структура социального неравенства («отношения социального неравенства... остались константными»), с другой стороны, радикально изменились жизненные условия населения. Таким образом, при всех намечающихся заново или сохраняющихся проявлениях неравенства происходит коллективное увеличение доходов, шансов на получение образования, удовлетворения социокультурных потребностей. В 1950–60-х гг. прошлого века исчезает «пролетарская нищета», происходит «демократизация» в приобретении престижных товаров, собственное жилье появляется даже у вчерашнего «пролетарского бедняка» и т.д. На этой основе уменьшаются и практически исчезают субкультурные классовые идентификации и связи. Границы «классовых ареалов» постепенно исчезают, а на место последних приходят неодинаковые стили потребления, лишённые классовых атрибутов.

Одновременно идет другой процесс: индивидуализации и диверсификации ситуаций и стилей жизни, который, по мнению У. Бека, «подтачивает иерархическую модель социальных классов и слоев и ставит под сомнение ее реальное содержание». Происходит «индивидуализационный сдвиг», освобождающий людей от традиционных классовых привязанностей и превращающий их в активных творцов собственной, обусловленной рынком труда жизни¹. В таком обществе социальное неравенство не устраняется, а только переносится в область *индивидуализации социальных рисков*. В итоге общественные проблемы тут же оборачиваются психическими предрасположенностями: неудовлетворенностью собой, чувством вины, страхами, конфликтами и невротами и т.д.

В традиционном обществе индивидуализация существовала как единичное явление (к примеру, как духовный аскетизм протестантизма), как субъективно-биографический аспект процесса цивилизации (назовем ее «простая модель индивидуализации» — Л.К.). В эпоху модерна возникает сложная, обобщенная модель индивидуализации, предполагающая объединение трех процессов: освобождение от исторически заданных социальных форм господства и подчинения; утрату традиционной стабильности (знания, веры и принятых норм); формирование нового вида социальной интеграции, нового вида контроля.

У. Бек подчеркивает противоречивость процесса индивидуализации в эпоху развитого модерна. В этом процессе классовые различия не упраздняются, они отходят на второй план. Как отмечает другой крупный представитель современной англо-саксонской социологической школы П. Бергер, в современном обществе происходит плюрализация и индивидуализация стилей жизни, жизненных путей и обстоятельств. С этой точки зрения, индивидуализация представляется выражением изменений в значении социального неравенства при переходе от общества с сильно ограниченными ресурсами к состоятельному обществу². Отметим, что по проблемам

¹ Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2000. С. 112.

² Бергер П. Индивидуализация и изменение значения социальных неравенств // Социальное неравенство. Изменения в социальной структуре: европейская перспектива. СПб.: Алетейя, 2008. С. 14.

индивидуализации в 1990-е гг. появилось довольно много работ (П. Бергер насчитывает более 10 крупных публикаций).

П. Бергер считает, что индивидуализацию следует рассматривать как структурный феномен, который может принимать самые разные формы и протекать с разной интенсивностью у каждого отдельного члена общества. В этом смысле можно говорить о стандартизации и дестандартизации моделей биографий. Стандартизация предполагает существование в обществе «типичных», «обязательных» для всех его членов моментов смены статуса. Дестандартизация означает то, что все меньшее число людей меняют свой статус в один и тот же ограниченный возрастной период (например, начинают трудовую деятельность после окончания профессионального обучения).

П. Бергер подчеркивает, что в современном обществе происходит переход от жестко институционализированных биографических моделей, характерных для индустриального общества, к более гибким, индивидуализированным, характерным для переходного этапа к постиндустриальному обществу. Метафорически этот процесс он описывает как переход биографий от «железнодорожной модели» к «автомобильной модели».

В «железнодорожной модели» биографии существуют заданные остановки для посадки, пересадки, выхода, кроме того, заданы путь следования и скорость передвижения, действует фиксированное расписание, и выходить во время движения по понятным причинам запрещено. «Автомобильная модель» предоставляет большую гибкость в отношении выбора времени отправления, пути следования, скорости передвижения, позволяет делать перерывы и двигаться в объезд, выбирая более привлекательные ландшафты¹.

Для социологии эти процессы значимы, особенно, при исследовании проблем социального неравенства и социальной структуры общества. Как подчеркивает П. Бергер, классы и слои все больше теряют характер социально интегрированных групп, обладающих разделяемой всеми их членами идентичностью; принадлежность, определяемая социологами «извне», все реже совпадает с самовосприятием «изнутри».

Очевидно, что дестандартизованные биографии («автомобильная модель») более сложны для исследования. Они требуют от социолога прежде всего использования качественных методов изучения биографии, более тонкого инструментария, способного отразить все многообразие конкретной жизни. Кроме того, индивидуализация и дестандартизация биографий создают дополнительные сложности в процессе социального планирования и прогнозирования развития социальных процессов. Уже сегодня возникают дополнительные сложности бюджетирования, когда речь идет о материнском капитале, полагающемся российским женщинам после рождения второго и последующего ребенка: браки «стареют» (увеличивается возраст вступления в первый брак), увеличивается возраст женщины, рожаящей второго ребенка. Дестандартизация биографии отчетливо проявляется и при выходе человека на пенсию: одни выходят на пенсию в предусмотренном законодательством возрасте, другие — продолжают трудиться довольно длительное время. Таким образом, можно сказать, что в современном обществе человеческие биографии становятся все менее унифицированными. Это своего рода «постиндустриальные» биографии, соответственно должно меняться содержание биографического метода и усложняться инструментарий исследования.

Эволюция метода фокус-групп: к вопросу о новых стандартах

*Полухина Елизавета Владимировна,
Институт социологии РАН,
Международный институт маркетинговых
и социальных исследований «ГФК-Русь»*

Метод фокус-групп, широко применяемый в современной исследовательской практике, в последние несколько лет претерпевает изменения. С момента появления метода менялось отношение к этой исследовательской традиции, появлялись новые наименования и способы приме-

¹ Там же. С. 20.

нения. В статье рассмотрены тенденции в развитии метода фокус-групп, обозначены возможные стандарты для новых появившихся форм групповых интервью, показана специфика фокус-групп нового формата — групповых бесед — и обозначено поле их применения.

История происхождения метода фокус-групп

Изначально метод фокус-групп основывался на пересечении популярных исследовательских методов — *включенного наблюдения* и *глубинного интервью*. В частности, когда исследователи Д. Морган и М. Спениш¹, планируя изучить отношение к заболеваниям сердца, «представили себе группу людей, собравшихся за столом во время ланча и обсуждающих то, как они были удивлены, когда узнали, что их общий друг получил инфаркт»². Осознав, что данная исследовательская ситуация с трудом поддается наблюдению, они предпочли организовать фокус-группу в привычном ее понимании, тем самым пожертвовав «непосредственностью и эмоциональностью естественно возникшего эпизода»³.

Методическое развитие пошло по пути «упрощения» групповых интервью и привело к становлению и популяризации фокус-групп в традиционном виде. Эта методология зарекомендовала себя как действенный способ сбора данных. В дальнейшем метод получил широкое применение по всему миру. Специалисты свидетельствуют о «фокус-групповом буме». Этот факт подтверждает таблица 1, полученная по результатам первичного поиска в базе данных ISI Web of Knowledge. Согласно ее данным, количество статей с упоминанием метода фокус-групп увеличивалось с каждым годом.

Таблица

Распределение числа публикаций, релевантных запросу “focus* group” в базе данных ISI Web of Knowledge

Год	2005	2004	2003	2002	2001	2000	1999	1998	1997	1996
Число публикаций	71	53	41	41	41	35	26	26	23	22

Критика классических фокус-групп и поиск новых форм

Но как бы ни был масштабным успех и широкое применение метода, последние несколько лет все чаще наблюдается рост критики фокус-групп, «обвинения в позитивизме»⁴, сомнения относительно валидности и целесообразности проведения. Например, по мнению М. Дымшица, фокус-группы — это не что иное, как «фатальная ошибка бизнеса»⁵. К наиболее часто критикуемым недостаткам фокус-групп относят следующие.

Эффект «публичности» фокус-группы, который предполагает, что участники воспринимают такого рода интервью как публичное действие, для которого свойственно, во-первых, желание самопрезентации части наиболее «ярких» участников, а во-вторых, желание как можно менее активно участвовать более скромных участников. Таким образом, «публичность» создает специфические условия интервьюирования и произвольно искажает поведение, а следовательно, и ответы участников.

Проблема некачественного рекрута участников: к сожалению, в связи с преимущественной платностью участия в фокус-группах, провоцируется желание участников зарабатывать на «интересных беседах». Это порождает проблемы недобросовестного рекрута (участники не совпадают с заявленными требованиями) и «профессиональных респондентов» (одни и те же люди регулярно принимают участие в исследовании)⁶.

¹ Morgan D.L., Spanish M.T. Social interaction and the cognitive organization of health-relevant knowledge // *Sociology of Health & Illness*. 1984. Vol.7. № 3. P. 401–422.

² Morgan D.L. Focus groups as qualitative research. L.: Sage, 1997. P. 65.

³ Ibid. P. 66.

⁴ Левинсон А.Г., Стучевская О.И. Фокус-группы: эволюция метода (обзор дискуссии на конференции ESOMAR) // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2003. № 1 (63). С. 49.

⁵ Дымшиц М. Проведение фокус-группы как фатальная ошибка бизнеса // *Энциклопедии Маркетинга*. http://www.marketing.spb.ru/lib-research/focus/fatal_focus.htm. Дата обращения 16.05.2011.

⁶ Белановский С.А. Метод фокус-групп. М.: Николло-Медиа, 2001. С. 87.

Эффект «чужого» модератора: исследователь может представлять собой другую группу людей, отличающуюся от участников (например, более молодой/ более образованный) и восприниматься как сторонний участник, «чужой». В такой ситуации участники не чувствуют себя «на равных», а потому, как предполагается, могут исказить свои мнения.

Неактуальность темы исследования и низкая степень вовлеченности в нее участников. Используемые «общие принципы» отбора не всегда обеспечивают «общение в кругу единомышленников»; часто оказывается, что тема обсуждения не представляет особого интереса для участников.

Для обсуждения этих и других проблем сформировался форум «Фокус-группа — эффективно или антинаучно?»¹.

Фокус-группа + этнографический метод = групповая беседа

В результате критики метода фокус-групп, а также современных тенденций к «натурализации» инструментов исследования, рождается новая тактика ведения группового интервью, которая находится на пересечении метода фокус-групп и включенного наблюдения (этнографического метода).

Для концептуализации появившейся исследовательской практики летом 2009 г. были проведены 10 экспертных полуформализованных интервью со специалистами, работающими с данной техникой: сотрудниками научно-исследовательских организаций из разных городов России (Москва, Санкт-Петербург, Екатеринбург, Самара).

По результатам опроса экспертов были определены основные типы группового интервью (от «мягкой» беседы, близкой к обыденному разговору до институализированной *дискуссии*) и их специфика. Этим типам в разной степени свойственны «неформализованные/ мягкие/этнографические» элементы фокус-групповых дискуссий, натурализирующие обсуждение. К таким элементам относят:

- *участники:* информанты знакомы между собой (проводились среди сообществ друзей, коллег, семьи);
- *длительность:* больше по времени, часто более 3-х часов, некоторые возобновлялись стихийно;
- *модератор:* уже известный / знакомый член изучаемого сообщества, не контролирующей ситуацию, а являющийся частью, скорее наблюдатель;
- *контекст:* привычная обстановка для информантов (дома, на работе);
- *материалы:* не только видеозаписи и транскрипты, но также многочисленные данные наблюдений (дневники, фотоматериалы), которые делают процесс анализа более трудоемким и менее формализованным.

Наблюдается разнообразие, как в специфике организации интервью, так и в выборе исследовательских ролей, способах проведения и их анализа. Решение о выборе методологической стратегии исследователь принимает по своему усмотрению. «Вооружившись знанием о контексте», разворачивающемся вокруг изучаемого феномена, он формирует уникальную рамку тактики исследования.

Чем больше признаков неформального общения присутствует в беседе, тем предположительно, натуралистичнее складывается коммуникация. Вариации групповых интервью определяются не только существующим контекстом, который задает формат и способ исследования, но и институциональной традицией исследовательского коллектива.

Таким образом, синергия методов фокус-группы и этнографического метода рождает специфический исследовательский инструмент — *групповую беседу*². В формате беседы групповое обсуждение предполагает равное положение собеседников, а именно субъект-субъектное взаимодействие исследователей и информантов, основанное на принципе «мне интересно»; исследователи не формулируют заранее конкретные вопросы, так как на момент общения не знают, какую именно информацию им могут сообщить информанты; информанты выступают в качест-

¹ Форумы на Sostav.ru. <http://www.forumsostav.ru/12/756/4/>. Дата обращения: 16.05.2011.

² Иванов М.А. Беседа как метод исследования // Социологические исследования. 1989. № 4. С. 106–111.

ве экспертов, исследователи — в качестве «наивных слушателей»¹. Так, И. Козина отмечает, что эффект взаимного контроля участников позволяет получать более достоверные ответы. С содержательной точки зрения, групповые беседы характеризуются отсутствием безапелляционных суждений и преимущественно коллективными, социально ожидаемыми оценками².

Подобные беседы, как правило, проводятся исследователем спонтанно во время включенного наблюдения: *«в моем исследовании, направленном на изучение отношения к религии среди «кавказцев», они, конечно, могли что-то рассказать в интервью, но насколько это было бы искренне, вот вопрос. Поэтому я решил включиться в коллектив под легендой стажера и использовал метод включенного наблюдения. После такого рода спонтанных коллективных бесед я делал записи в дневник и далее воспроизвел истории, итогом получилось несколько полных историй, которые позволили мне получить необходимую информацию»* [Аспирант, исследовательский опыт более 3 лет]. Зачастую беседы проистекают «без предупреждения об интервью» и, соответственно, не записываются на цифровые носители, а воспроизводятся уже после их проведения на основе воспоминаний: *«ну я не мог же потом сказать им, что вот я социолог, если они меня уже воспринимали как часть своей повседневной жизни ... как стажера»* [Аспирант, исследовательский опыт более 3 лет].

В ситуациях, когда наблюдение ведется с оповещением об исследовательских намерениях, использование диктофона является так же весьма неоднозначным вопросом, требующим деликатности: *«Нужно всегда знать, как использовать диктофон, потому что иногда исследователь включает диктофон, а там такая тишина, либо тема меняется. Если бы я его не включила, получила бы много полезной информации, тут нужно быть очень чутким, понимать их настроение»* [Научный сотрудник, исследовательский опыт более 6 лет].

Беседы часто происходят во время «жизнедеятельности» сообщества (выполнения коллективом его обязанностей или во время возникающих пауз, заполняемых ритуализированными действиями — обедами, перекурами): *«Не знаю как мои коллеги, но лично я это всегда использовала ситуативно. Когда ты приходишь на завод, люди все находятся вместе, я же не буду просить их выйти. Эту ситуацию можно использовать, чтобы посмотреть, как рабочие говорят при мастере, как их мастер остановит или нет, эту иерархию можно учитывать. Они между собой разговаривали, а я задавала вопросы. Можно сказать, разряжала там обстановку* [К. с. н., исследовательский опыт более 8 лет].

Такому роду бесед, как и другим формам групповых интервью, свойственно обсуждение скорее нейтральных тем, имеющих общий характер и чаще «неспорную» точку зрения в коллективе: *«хорошо, когда вопросы семьи не очень касаются. Например, семейное застолье, все едят, собралась вся семья. Здесь хорошо бы побеседовать ни об их бюджете, а о колхозе, жизни на селе. Именно в такой нейтральной теме люди действительно могут что то интересное рассказать, проанализировать»* [К. э. н., исследовательский опыт более 15 лет].

Наличие в интервью близкого окружения часто позволяет, по мнению исследователей, лучше «раскрыться» информанту. Отмечается своеобразный эффект: *«проговаривание, они проговаривают свои мысли, это происходит как внутренний диалог, поддержанный другими участниками»* [Д. ф. н., исследовательский опыт более 15 лет].

В итоге, в сравнении с фокус-группой, на смену «специально подобранным» участникам по принципу гомогенности, приходят общности существующие «сами по себе». Традиция запрещает проведение фокус-групп с участниками, которые были ранее знакомы между собой, либо с ведущим дискуссии, в силу нежелательной групповой динамики и повторением мнений участников³. Эксперименты свидетельствуют, что фокус-группы, проведенные с участниками знакомыми ранее, позволяют получить незначительно, но меньший разброс мнений, чем с незнакомцами⁴.

¹ Троцук И.В. Групповая беседа как метод пилотажного исследования (на примере изучения современной молодежи Кавказа) // Вестник РУДН. Серия «Социология». 2006. №1(19). С. 22.

² Козина И.М. Case study: некоторые методические проблемы // Рубеж. 2006. № 10–11. С. 186.

³ Белановский С.А. Метод фокус-групп. М.: Николло-Медиа, 2001. С. 56.

⁴ Nelson J.E. Frontczak N.T. How Acquaintanceship and Analyst Can Influence Focus Group Results // Journal of Advertising. 1988. Vol. 17. No. 1. P. 42.

Групповая беседа с обладателями совместного опыта

Современных же исследователей интересует не число получаемых мнений, которое зависит, прежде всего, от количества участников дискуссии¹, а сам процесс интеракции внутри сообщества, смыслы, конструируемые участниками во время обсуждения². Таким образом, участники — это члены сообщества, обладающее совместным *опытом*, а значит целым кругом феноменов, изучаемых в коллективном ракурсе, а именно (а) память, (б) идентичность и (в) биографии. Групповые беседы предстают как адекватный и перспективный инструмент, предназначенный для изучения такого рода проблем. Так, изучению феномена разделяемой семьей памяти посвящена работа австралийского исследователя Лукаса Бэйтти. Он приходит к выводу, что в ходе семейных бесед усиливается и развивается семейное самосознание, происходит формирование коллективных воспоминаний и идентичности³.

Участники экспертного опроса подтверждают, что объектом групповой беседы являются коллективные воспоминания, когда участники обсуждения — люди единого опыта. *«Исследование проводилось в маленьком поселке в Ульяновской области, где основной состав жителей — это ветераны, пенсионеры. Мы брали интервью у людей, которые жили во времена ВОВ, главное, у них есть личный опыт проживания войны. Мы у них брали интервью дома всегда. Тут идет выяснение ни фактов, а у кого вообще, что в памяти осталось, как видоизменилась память за эти годы. В интервью принимало участие несколько поколений... В этом отношении этот метод, когда вся семья собралась и беседует, хорошо работает. Но сначала важно, чтобы узнали по отдельности, иначе сразу пойдет "просвещение" и мы не узнаем рамку, с которой нам нужно будет сравнивать»* [Научный сотрудник, исследовательский опыт более 6 лет]. Поэтому одно из ограничений групповой беседы — несамостоятельность метода; его предпочтительно применять в совокупности с другими способами сбора данных (включенного наблюдения, глубинного интервью и др.). В целом, исследователи предпочитают использовать этот инструмент на ранних стадиях — разведывательного, пилотажного исследования⁴.

Групповые беседы обладают специфической эмоциональностью, выраженной во взаимном заражении ощущениями друг друга: совместный опыт объединяет информантов, им приятней и интереснее об этом говорить вместе, происходит своеобразный синергетический эффект заражения воспоминаниями: *«У одной молодой пары были очень яркие совместные воспоминания. Они рассказывали о концерте ДДТ, на который они ходили вместе, у них были воспоминания подробностей, ощущений и взаимное заражение этими ощущениями. Когда они начали общаться вдвоем, они вошли в более привычную схему коммуникации»* [К.с.н., исследовательский опыт более 6 лет].

Возникает необходимость разработки типичного сценария, позволяющего эксплицировать визуальное и вербальное в интервьюируемом сообществе, при этом минимизировав влияние самого исследователя, сохраняя натуральность фиксируемого контекста и одновременно элиминировать влияние наблюдателя. Возможным путем формализации данного подхода предлагается создание в исследовательской практике *документа*, объединяющего разнохарактерную информацию исследователя и позволяющего ее формализовать.

Видится возможным в качестве первичного документа для анализа создание «транскрипта-протокола», который включает (а) текстовый транскрипт беседы, (б) фотографии респондентов, места интервью и др., (в) дневниковые записи. Документ такого формата позволяет, во-первых, систематизировать всю собранную информацию (решить проблему разнохарактерности и разобщенности данных), во-вторых, делать ее доступной для третьих лиц (решение проблемы закрытости информации и отчасти «преувеличенной» роли исследователя), в-третьих, создать определенный стандарт работы с материалами и, в итоге, сделать метод групповых бесед более унифицированным.

¹ Полухина Е.В. Контент-анализ высказываний в групповом интервью: опыт и возможности применения (на примере проблемы размера фокус-групп) // Векторы развития современной России. М.: МВШСЭН, 2006. С. 48–49.

² Munday J. Identity in Focus: The Use of Focus Groups to Study the Construction of Collective Identity // Sociology. 2006. Vol. 40. No. 1. P. 105.

³ Bietti L.M. Sharing memories, family conversation and interaction // Discourse society. 2010. Vol. 21. No. 5. P. 520.

⁴ Иванов М.А. Беседа как метод исследования // Социологические исследования. 1989. № 4. С. 106–111.

Об инвариантах в нарративном анализе

Профатилова Людмила Геннадьевна,
Харьковский национальный университет
им. В.Н. Каразина

Одной из главных и, пожалуй, самых дискуссионных особенностей качественной методологии вообще и нарративного анализа в частности, является признание множественности, неоднозначности интерпретаций социальной реальности. Но такую ситуацию вовсе нельзя однозначно трактовать как недостаток методологии. Ведь ни у кого не вызывает возражения тот факт, что любую историю, которую кто-то о чем-либо рассказывает, лучше понять, учитывая все возможные способы, которыми она может быть рассказана. И в то же время, в гуманитарных науках не является столь очевидным то, как специфицировать критерии, по которым можно судить о правильности какой-либо из интерпретаций. Все верификационные критерии становятся ненадежными, и невозможно судить о правильности единственно по адекватности описания. К примеру, восторженный рассказ о жизни не обязательно является «верным» отчетом¹. Поэтому более актуальной задачей является не поиск верификационных критериев для определения «правильной» интерпретации, а обнаружение при такой широкой изменчивости содержания общей формальной структуры в различных интерпретациях.

По своей сути, практически все методы анализа качественных данных нацелены на выявление некоего инварианта, который бы был независим от меняющегося контекста, интерпретации и организовывал бы в единое целое субъективный опыт человека.

Так, в области изучения нарративов наиболее известным методом анализа, является подход, предложенный Ф. Шюце, относящийся к практике биографических исследований. Здесь в основу анализа положена процедура разбиения исходного текста интервью на эпизоды с последующим их разделением на нарративные фрагменты (содержащие событийную информацию) и ненарративные (содержащие оценочные суждения). Такой подход позволяет выделить нарративную структуру жизненного пути индивида, ситуационно инвариантную, независимую от оценочных суждений и конституирующую самоидентичность рассказчика². Основным же инструментом, с помощью которого структурно описывается жизненный опыт индивида в методологической схеме анализа Ф. Шюце, выступает кривая биографического процесса. Такая кривая является инвариантом для различных интерпретаций нарративного биографического интервью.

Всю аналитическую работу по описанию биографической кривой можно разделить на несколько этапов. Первый этап заключается в формальном анализе текста интервью: в элиминировании всех ненарративных пассажей и разбивки «очищенного» текста на следующие друг за другом смысловые сегменты, которые имеют характер законченных эпизодов. Далее всем выделенным фрагментам присваиваются краткие названия — коды. Эти коды кратко резюмируют основной смысл каждого сегмента. В основном они сформулированы из собственных слов респондента и тесно связаны с контекстом их породившим.

Следующий этап анализа — это выход на более высокий уровень абстракции или уровень так называемого «понимающего» прочтения. Здесь как бы заново переписывается, структурируется рассказ информанта, но, уже опираясь на созданные, на предыдущем этапе коды. В каждом выделенном сегменте отмечаются высшие точки эпизода, драматические повороты, кульминационные ситуации и события, которые меняют направленность биографического потока, а также запланированные и реализованные биографические действия.

В результате таких процедур получается структурное абстрагированное описание всех систематически связанных друг с другом отрезков жизни. На основе таких очищенных от деталей и оценочных суждений жизненных эпизодов вырабатывается биографическая целостность, то есть, выстраивается последовательность процессуальных структур жизненного опыта по отдельным этапам жизни, вплоть до доминирующих в настоящее время. Кроме того, в таком структурированном тексте хорошо просматриваются жизненные структуры, которые присутст-

¹ Bruner J. Life as Narrative // Social Research. 1987. Vol. 54. No. 1. P. 11–32.

² Журавлев В.Ф. Нарративное интервью в биографических исследованиях // Социология: 4 М. 1993/94. № 3/4.

вуют на протяжении всего биографического потока. Именно такие «сквозные» структуры и составляют формулу, которой подчинена в целом жизнь индивида и соответственно описывают кривую его биографического процесса.

Конструкт биографической кривой включает в себя две составляющие: интенциональные (внутренние) принципы течения жизни индивида и институциональные (внешние). Обе они поочередно доминируют в течение всей жизни человека, продвигаясь по нисходящему или восходящему пути и также как «сквозные» процессуальные структуры формируют общую формулу всей жизни носителя биографии. Отрицательные или нисходящие кривые отражают действия и события, которые ограничивают развитие индивида и не могут им контролироваться. Восходящие же линии, положительные, напротив, описывают установление новых социальных позиций, которые дают индивиду новые возможности для действий и развития личности.

Очевидно, что методология построения биографической кривой тесно переплетается с введенным еще Дж. Мидом понятием «самости» и связанными с этим понятием фазами «I» и «Me». «I» соответствует интенциональной линии биографии и является источником спонтанного, непредсказуемого поведения, отражает специфику реакций индивида на социальные стимулы. Это непредсказуемый и в то же время творческий элемент личности каждого человека; творческая составляющая, в которой отражены те основные ценности, которые сформированы личностью в процессе социализации, здесь заложен основной источник новизны в социальном процессе и создается основа для самореализации¹. Следовательно, для описания интенциональной составляющей биографической кривой в жизненном потоке выделяются факторы (действия, события из жизни индивида), формирующие «определенную личность» и влияющие на ее развитие.

Институциональные линии соответствуют «Me», с помощью которого общество доминирует над индивидом, предлагая набор стандартизированных реакций и, в то же время, позволяет ему комфортабельно существовать в социальном мире. «Me» представляет собой свойственную данному индивиду совокупность установок «других», т.е. интернализированную структуру групповой деятельности². Поэтому в институциональной линии будут отражены эпизоды, действия и события из жизни индивида, которые ограничивают развитие носителя биографии, с одной стороны, а с другой — могут давать новые импульсы для развития.

Сконструированная таким образом биографическая кривая, является обобщающей интенциональных и институциональных линий и отражает тот стержень, которому подчинена в целом жизнь индивида. Очевидно, что такая кривая является инвариантом, не зависящем от различных интерпретаций нарративного интервью. Вариативность сегментации исходного текста не меняет общей направленности кривой, даже когда наблюдаются вариации интенциональных и институциональных компонент при различных исследовательских задачах³. Таким образом, основная задача при анализе нарративного интервью по Шюце состоит в вычленении из биографического описания ситуационно независимых смысловых конструкций, являющихся доминантами кривой биографического процесса, которым подчинена вся жизнь индивида.

Другой метод анализа нарративов также нацелен на выделение инварианта из различных интерпретаций одного и того же события или социального феномена. Инвариантной структурой здесь является цепочка тех основных действий, которые объясняют изучаемый феномен. Данный подход, разработанный П. Абеллем, нацелен на выявление констелляций действий, которые являются неизменными при любой интерпретации и собственно генерируют социальный результат.

Схема анализа нарративов, предложенная П. Абеллем, выглядит следующим образом. Первоначально вся описательная информация, имеющая отношение к изучаемому феномену, как и в предыдущем случае секвенцируется и плотно описывается — разбивается на структурные элементы. А в качестве таких элементов Абелль выделяет три основные характеристики дейст-

¹ Ритцер Дж. Современные социологические теории. М.: Питер, 2002. С. 256.

² Ритцер Дж. С. 257.

³ Домбровская И.А., Медяник А.П., Профатилова Л.Г. Конструкт кривой биографического процесса: опыт применения при анализе нарративного интервью // Методология, теория и практика социологического анализа современного общества. Х., 2010.

вия. Во-первых, каждое действие частично является следствием предыдущих действий, которые совершали либо индивиды, вовлеченные в процесс, либо другие деятели. Во-вторых, действие может зависеть от ряда условий, которые не являются следствием предшествующих действий, т.е. от контекста ситуации. В-третьих, в каждом действии будут отражены ценности, предшествующий опыт, культурные ориентиры действующих индивидов. Таким образом, условия или ситуация, в которых происходит действие, задействованные актеры индивидуальные или коллективные и нормативные установки, конституирующие само действие — вот те структурные элементы, на которые раскладывается весь исходный нарратив.

На следующем этапе вся структурированная таким образом информация упорядочивается в графе, элементы (действия) которого связаны между собой отношением «ведет к», т. е. каждое действие является предпосылкой для следующего и последствием предыдущего. Такие последовательности в графе называются линиями социальной детерминации и указывают на основные действия и связи между ними, благодаря которым возникает изучаемый социальный результат. Далее в сформированном графе сопоставляются и обобщаются те элементы (действия), которые имеют одинаковые значения и связаны одинаковыми линиями детерминации. Сопоставления и обобщения в нарративной структуре проводятся с помощью гомоморфных отображений, что позволяет сохранить строгость и независимость анализа нарративных данных¹.

Как известно, в математике понятие гомоморфизма означает отображение двух совокупностей, при котором сохраняется соответствие их структур, причем это отображение одностороннее. В контексте же настоящих аналитических процедур гомоморфизм является тем критерием, по которому абстрагируется исходная, максимально детализированная, нарративная структура. В процессе абстрагирования должно выполняться условие, при котором новые, упрощенные нарративные структуры (цепочки действий/событий) могут состоять уже из других элементов (действий), но при этом сохранять исходное значение этих действий и главное — их результат. Такое последовательное абстрагирование исходной нарративной структуры позволяет выработать общую инвариантную для отдельного случая стратегию или «формулу» достижения социального результата и объяснить изучаемый феномен.

В двух рассмотренных аналитических подходах нарративным (событийным) и ненарративным (оценочным) частям историй придаются различные значения. А нарративная структура рассматривается как инвариант, независимый от вариативности интерпретаций и оценочных суждений. В биографических нарративных исследованиях такими инвариантами выступают смысловые конструкции, которые определяют самоидентичность носителя биографии и выступают в качестве доминант кривой биографического процесса. В событийном нарративе такими смысловыми доминантами выступают последовательности действий, которые порождают и, соответственно, объясняют изучаемое социальное явление, являясь также ситуационно инвариантными.

Нарративное интервью в отсутствие нарратива: методические следствия для анализа

Рождественская Елена Юрьевна, НИУ ВШЭ

В основу доклада положено биографическое интервью с Ириной Хакамадой. Перед нашей рассказчицей стоял классический вопрос: *Кто я? Как сложилась моя биография?* Стимулируя нарративный запрос, провоцируя к саморефлексии, разделению себя одновременно на субъекта и объекта, и занятию позиции, отношению к самой себе, мы вправе ожидать нарративного изложения биографического пути. В рамках социолингвистического и дискурсивно-психологического подхода нарративная идентичность понимается нами как возникающая непосредственно в речевых практиках повседневных рассказов. В этом смысле нарративная идентичность есть способ, каким человек в конкретных интеракциях осуществляет идентификационную работу как нарративное отображение и производство ситуативно релевантных аспектов

¹ Профатилова Л.Г. Анализ нарративов: три исследовательских подхода // Методология, теория и практика социологического анализа современного общества. Харьков, 2007. С. 207–210.

своей идентичности¹. Это локальная и прагматически размещаемая идентичность, которая производится и изображается посредством автобиографического рассказа и вследствие этого является лишь частичной идентичностью, не реализующей *самости личности* и не обладающей онтологическим статусом.

Но наш респондент, включившись в задачу, опрокинула все ожидания, значимо пренебрегая нарративной формой рассказывания и селективно отбирая те события и интерпретации своей жизни, которые могут быть отнесены к особой форме идентичности – политической. Не будет новым предположить, что это отчасти социально-конструируемый феномен. Перспективным для нашего анализа, произведенного в результате текста интервью, будет идентификационная триада М. Кастельса. М. Кастельс выделяет три вида идентичностей, конструкты которых могут иметь политическое значение (легитимирующие идентичности, идентичности сопротивления, проектные идентичности)². Это различие эвристично для эмпирического анализа, поскольку помогает отследить процесс смены легитимирующих политических идентичностей проектными или протестными в ответ на политические и социальные изменения, равно как и закрепление новых легитимирующих идентичностей.

Но устроит ли нас подход к анализу меняющейся, развивающейся политической идентичности, который не проясняет вопрос гендера и других различий? Если гендер, класс/группа, этничность, возраст, поколение не сосуществуют как различия, «проваливаясь» в дискурсивную пустоту, идентичность теряет в своей отличительности и устойчивости. Необходимость нормативно регулировать неполные идентичности открывает лицо власти, политики нормирования, дисциплинирования, предписания. По мнению Дж. Батлер, «гендерные онтологии всегда функционируют внутри заданных политических контекстов в качестве нормативных предписаний», определяющих, посредством чего представлены гендеризированные тела³. И мы далеки от взгляда на политическую идентичность нашей героини как внегендерной только потому, что она не продвигает гендерную повестку. Но и вменять ей заранее позицию политически мобилизованной женщины мы также не готовы, так как этот взгляд натурализует женщин, предполагая их интерес как существовавший до и вне политического контекста.

В таком случае как возможно концептуализировать политическую идентичность женщины-политика, политикессы, гендерная, этническая идентичность которой вступает в игру в условиях маскулинизированной сцены российской политики, имеющей социалистический опыт девальвирования квотного участия женщин в политике? Как транслирует эту проблематику множественных идентичностей политический актор, тем более избегающий нарративных форм, приоткрывающих меру субъективного переживания и смыслопроизводства?

Принципиальная открытость, незавершенность идентичности как конструкта, отражена как в концепте Дж. Батлер, так и в позиции Шанталь Муфф, которая полагает, что «социальный агент конституируется набором “субъективных позиций”, которые никогда не могут быть зафиксированы в закрытой системе различий. Он конструируется разнообразием дискурсов, в рамках которых имеют место не некие необходимые отношения, но постоянное движение переопределения и замещения»⁴. Таким образом, если полагать батлеровский концепт субъекции внутренним конструктом политической идентичности, то мы формируем рамку горизонта ожиданий к тексту интервью. Эта рамка содержит проблематику множественных, в разном объеме предъявляемых идентичностей (пола, этничности, поколения, возраста, социальной группы) и диалога с репрезентантами власти — от сотрудничества до конфликта. Герменевтически мы исходим из презумпции относительно непротиворечивой и полной идентичности на уровне самой

¹ Рождественская Е.Ю. Нарративная идентичность в автобиографическом интервью // Социология: методология, методы, математическое моделирование. 2010. № 30. С. 20.

² Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество, культура. Пер. с англ. под науч. ред. О.И. Шкаратана. М.: ГУ–ВШЭ, 2000.

³ Батлер Дж. От пародии к политике // Введение в гендерные исследования. Харьков: ХЦГИ; СПб.: Алетейя, 2001. Т. 2. С. 172.

⁴ Mouffe C. Post Marxism: Democracy and Identity // Environment and Planning D: Society and Space. 1995. Vol. 13. No. 3. P. 259.

биографии и текста. Соответственно, в правила игры понимания входит обманутое ожидание, разрушение иллюзии по мере чтения, смысл которого — в проекции полагаемого смысла.

Мы идентифицируем в тексте присутствие не нарративных текстуальностей, в том числе сугубо дискурсивных, претендующих на придание значения жизненному опыту с определенной позиции. Это обстоятельство послужило поводом обращения к концепции Нормана Фэркло¹, сфокусированной на соотношении социального института, в данном эмпирическом случае, политики и собственно дискурса.

Текст Хакамады содержит несколько уровней контролируемого рассказчицей потока жизненной истории, сфокусированной на политическом становлении. Уровни рассказа о политическом становлении, которые Ирина Хакамада удерживает под фреймом, разведены на:

- ненарративный рассказ о стадиях карьерного продвижения, звучат имена и обстоятельства конкретных ситуаций, им соответствует особый глагольный ряд активного освоения политического пространства;
- объяснительно-оправдательные конструкции, которыми сопровождаются или перемежаются упоминания о конкретных ситуациях и именах.

Эти два манифестирующих уровня отмечены различной текстуальностью, порожденной различными задачами: достоверного и хронологического описания происходящего, а также оправдания и придания личностного смысла происходящему.

Третьим значимым элементом дискурсивной практики в транскрипте интервью с Ириной Хакамадой являются метафоры, вмененные политической ситуации, политическим представлениям и возможным модусам политического действия. Метафора — языковое приглашение концептуализировать одни вещи в терминах других, «метафора — это коммуникативный стимул и ментальный ответ»². Мы опираемся здесь на труды М. Осборна по архетипам политических метафор и книгу Дж. Лакоффа и М. Джонсона «Метафоры, которыми мы живем»³.

Как отмечают российские исследователи Э. Будаев и А. Чудинов, в современных исследованиях риторико-прагматического направления в изучении политической метафоры, наметились две тенденции⁴. Одна из них базируется на идеях и терминах когнитивной лингвистики. И здесь продуктивными для нашего анализа будут тактики «риторического фрейминга» В. Бенуа и Б. Бэйтс, которые используют популярную в риторическом направлении методику анализа метафорических кластеров. Последние могут рассматриваться в качестве относительного аналога концептуальных метафор, поскольку продвигают в описании системности политических метафор. Другая тенденция основывается на прагматических аспектах политической метафоры: так, Р.Д. Андерсон развивает дискурсивную теорию демократизации, увязывая демократическую модернизацию общества с дискурсивными инновациями (в системе соотношений элиты и народа). Изменяя ориентационные метафоры, позиционирующие низшие классы ближе к политической элите, можно способствовать демократизации политического дискурса.

На этом фоне, безусловно, становится интересной задача обнаружения специфического культурного содержания, более того, возможность гендерного профиля политической метафоры у российского политика/политикессы. Когнитивно-дискурсивный подход к их анализу нам видится в двойном фокусе — как самостоятельный феномен, имеющий свою нарративную логику и вероятно кластерный разброс, так и тематическую связь используемых метафор с иными возникшими текстуальностями (выше описанными кластерами модуса действующего политика и модуса смыслопорождения и самооправдания). Широкое и обильное обращение Хакамады к метафоризированию является не только особенностью ее риторического интеллектуального стиля. Предположительно использование ею метафор играет роль «закрытия» нарратива, его элиминации, поскольку они содержат эвфемизацию подлежащих, но не реализованных через

¹ Fairclough N. *Discourse and Social Change*. Cambridge: Polity Press, 1992.

² Osborn M.M., Ehninger D. *The Metaphor in Public Address // Speech Monographs*. 1962. No. 29. P. 226.

³ Лакофф Д., Джонсон М. *Метафоры, которыми мы живем* / Пер. с англ. под. ред. А.Н. Баранова. М.: Эдиториал УРСС, 2004.

⁴ Будаев Э.В., Чудинов А.П. Риторическое направление в исследовании политической метафоры // URL: <http://www.russian.slavica.org/article2562.html>

нарратив сюжетов. В этих метафорах нас будут интересовать структура представляемого образа и роль автора в нем.

Методически кластеризация политических метафор Ирины Хакамады была осуществлена следующим образом. Вначале были отфильтрованы все, секвенционально высказанные и протранскрибированные метафоры. Затем осуществлялся процесс кодирования в логике подхода Глэзера и Страуса, известного как обоснованная теория. Близкие метафоры наполняли общий кластер. По мере выделения новых метафор, им присваивалось новое кодировочное название. В итоге сформировались, наполнились три значимых обширных кластера метафор и несколько сателлитных, не доминирующих в общем масштабе. Методически важно было сохранить в трех основных кластерах секвенциональную логику их появления в речи, что придает им характер риторического фрейминга и/или имитирует нарратив, некую историю, имеющую начало и завершение.

Если попытаться совместить все слои социальных и дискурсивных практик, попавших в поле деконструкции текста, то мы можем сформулировать следующие, претендующие на обоснованность, гипотезы. В кейсе Ирины Хакамады проживаемая политическая реальность выглядит как жесткая борьба за свое место на политической сцене, неуклонное карьерное продвижение наверх, перемежаемое опытами неудач, и как итог — закрепление сегмента политического поля и обозначение видимого предела/барьера для дальнейшего продвижения. Но на уровне производства смысла и оправдания действия предлагается сознательно осуществляемый выбор в пользу «свободы», креатива, роли посредника между корпоративными интересами и политическими партиями. Фактически отказ от карьеры происходит тогда, когда наметился ее видимый предел. Темпоральное измерение смягчает это противоречие за счет того, что дискурсивно в тексте не выстроено здание смыслопроизводства, обслуживающее процессуальность политического продвижения. Эта задача решается автором уже за пределами политического поля.

Политическая карьера, которая начиналась с привлечением иноэтничного ресурса и позиционированием себя как культурно «Иной» (полуяпонка), помимо собственных, преследовала цели оправдания «нетипичных шагов». По сравнению с собирательной «Ивановой» Ирине Хакамаде легче пройти барьер стереотипных ожиданий относительно карьерных устремлений в женской биографии. В этом смысле, возможно, стоит изменить акценты в ее фразе «Когда эта фамилия приклеилась ко мне окончательно, я начала заниматься политикой» на «Я начала заниматься политикой, когда эта фамилия приклеилась ко мне окончательно». Но если эта новая биографическая конструкция позволила ей в глазах окружающих претендовать как женщине на политическую карьеру, то она же (конструкция) и заблокировала впоследствии ее продвижение. «Быть иной» трудно вписывается в командные рамки, партийную дисциплину. Собственно описываемые Ириной Хакамадой неудачи возможно и связаны с ее стремлением выстроить/выгородить лидерство в структурах, которые простроены по типу команд. Но инвестиции в брэнд «Хакамада» накапливались и стали давать отдачу (участие в президентских выборах). Баланс, который в итоге достигнут Ириной Хакамадой, основан на этой отдаче, но и на пределах конструкции «я везде не своя, за это надо платить».

Таким образом, в рассказе Ирины Хакамады работает еще одна, латентно присутствующая тема, но ее роль по отношению к порядку упомянутых уровней метаконструктивна. Она создает форму политической биографии Ирины Хакамады, задает условия входа в политическую игру, но также определяет барьеры, ограничивая претензии на политическое пространство. Сам выбор этой конструкции Хакамадой говорит о дискурсивных идентификационных поисках (она не становится японкой в русской политике), скорее, речь о субъекции как дееспособности в ситуации несовпадения собственных принципов, ценностей, гендерных и этно-отличий и конкретного политического момента/ситуации. В духе концепции Дж. Батлер с истоками М. Фуко, политики, строящие, вынужденные строить свою политическую деятельность не на идентичности, а на субъекции, используют любой шаг, саму возможность продуктивного использования существующей конфигурации власти¹. И если маргинализация, т.е., вытеснение к краям политического поля есть неперемное условие сохранения господствующих групп, то и маргинальный

¹ Butler J. Gender Trouble: Feminism and the Subversion of Identity. London: Routledge, 1990.

статус может быть использован как способ сохранения позиции **в пределах поля**. Таким образом, способ приобретения субъектности, соответственно, маргинализация может выступать формой субъекции. Как нам кажется, в случае Ирины Хакамады мы наблюдаем сходный феномен маргинализации политикессы, «вставшей над схваткой», вытекающий из сконструированной политической биографии с инструментальным привлечением иноэтнического ресурса. На уровне оправдательной стратегии она выстраивает субъектность женщины политика, выбравшей «ценности и судьбу» и вынужденной за это «расплачиваться», т.е., транслирует в итоге образ консервативного политика. А переход к консервативным ценностям может быть рассмотрен как достигнутое плато политической карьеры.

Качественные методы изучения социальной защиты детства

Филипова Александра Геннадьевна,
РГПУ им. А.И. Герцена

Способы познания объективной реальности принято называть *методами исследования*. С помощью методов каждая наука добывает информацию об изучаемом предмете, анализирует и обрабатывает полученные данные, включается в систему известных знаний. При изучении детства перед исследователем встает задача подбора адекватных и надежных методов. Естественно, выбор тех или иных методов сбора информации зависит от задач, стоящих перед исследователем. В изучении мира детства необходимо подбирать методы сбора данных, ориентируясь на возраст респондентов. Количественные методы исследования традиционно используются в работе с подростками и юношеством, однако для изучения младших возрастных групп требуются *качественные методы* сбора данных.

Изучение детей в отличие от взрослых значительно ограничено социальными и психологическими рамками. Психологические ограничения исследовательских возможностей связаны с эмоционально-психологической незрелостью ребенка, который ограничен в возможностях выражения собственных чувств, оценочных суждений. Социальные рамки связаны с сензитивностью отдельных детских тем (например, семейного насилия) и недостаточным социальным опытом ребенка.

Поэтому для сбора информации о детях исследователю необходимы качественные методы, которые С.Н. Щеглова называет «мягкими» методиками¹. Под качественными методами подразумевается получение данных нестатистическими, неколичественными способами.

Качественные методы помогают детям выразить собственные эмоции, чувства, мысли. В игре, рисунке сделать это намного проще, нежели в ответах на прямые вопросы. Сбор необходимой информации исследователь превращает в игру, в которой внутренний мир ребенка проецируется на главного героя. К. Эллис и С. Холл, изучая особенности проекции мира ребенка на мир куклы, пришли к выводу, что «индивидуальность детей иногда более ясно обнаруживается в тех свойствах, которые они приписывают куклам, чем в их собственных чертах»², поскольку игровая деятельность — это ведущая деятельность дошкольника, сохраняющая свою значимость и в младшем школьном возрасте. Итак, процесс исследования должен увлечь ребенка, стать интересной игрой, правила которой дети быстро усвоят. Чтобы исследовать ценностные ориентации детей дошкольного и младшего школьного возраста, В.В. Абраменкова предлагает «отправиться» на необитаемый остров (методика «Робинзон» — аналог методики исследования ценностных ориентаций личности М. Рокича)³. Для исследования знаний и представлений младших школьников о Родине Е.В. Пивоварова разработала вариацию социографического метода⁴. Дети рисуют два кораблика: сначала неопределенный кораблик, а потом кораблик, плывущий на Родину. С помощью графических приемов (улыбки на лицах людей, красивые флаги,

¹ Щеглова С.Н. Детство: методы исследования. М.: Социум, 1999.

² Холл С. Очерки по изучению ребенка / Пер. с англ. под ред. Н.Д. Виноградова. М.: Пучина, 1925.

³ Абраменкова В.В. Социальная психология детства: развитие отношений ребенка в детской субкультуре. М.; Воронеж, 2000.

⁴ Пивоварова Е.В. С чего начинается Родина? (опыт методического эксперимента) // URL: <http://club.fom.ru/182/272/273/564/library.html?pg=1>.

надписи «Ура!») респонденты представляют то, что им сложно пока выразить в вербальной форме.

Значительным потенциалом для исследования детства располагают проективные методы. Некоторые приемы психодиагностических методик могут использоваться в социологическом исследовании детства. Например, для изучения социального пространства ребенка, выявления значимых людей, могут использоваться вариации методики Рене–Жиля (ребенок на картинках обозначает свое место среди других детей и взрослых на прогулке, в кино, дома за столом), элементы цветового теста отношений Е.Ф. Бажина и А.М. Эткинда (8-цветовая таблица теста Люшера используется для выявления отношения ребенка к разным людям и социальным средам — школе, семье, улице, секции через проекцию цвета), вариации «семантического дифференциала» (социальное самочувствие ребенка измеряется по дихотомическим шкалам).

Исследователь должен постараться создать благоприятный психологический климат. Для этого он может использовать привычную детям социальную среду для общения, различные техники включения детей и самого исследователя в какую-либо деятельность. Разнообразная творческая деятельность (например, работа над проектом, дискуссия, игра) способствуют сближению позиций ребенка и взрослого.

Техникой вхождения в детское «поле» может стать завязка беседы с событиями, значимых для ребенка, что продемонстрирует заинтересованность взрослого детскими проблемами. Такой разговор становится «мостиком» от информации, значимой для ребенка, к информации значимой для исследователя.

Изучение детского сообщества сопряжено с определенными *методическими трудностями*. Во-первых, требуется специальная подготовка исследователя, прежде всего он должен знать особенности детской психологии, для того, чтобы установить контакт с детской аудиторией, расположить к себе и правильно определить ход исследования.

Во-вторых, в процессе сбора данных возникают проблемы этического характера, связанные со статусным неравенством исследователя и респондента. Исследователь в коем случае не должен использовать свою позицию «взрослого» для манипулирования детьми, оказания на них воздействия в своих научных целях. Также исследователь не должен забывать, что он как взрослый человек остается образцом для подражания, источником воспитательного воздействия на детей, поэтому неэтично использовать эксперименты, провоцирующие детей на неодобряемые обществом поступки (жульничество, агрессивность, обман и др.).

В-третьих, исследователю необходимо решить проблему выравнивания позиций «исследователь-взрослый» и «респондент-ребенок». Неравенство в исследовании может приводить к искажению информации, так как ребенок может давать социально желательные ответы либо вообще уклоняться от ответов. Разные исследователи предлагают различные варианты решения этой проблемы. Некоторые ученые обращаются к изучению своих собственных детей и детей своих друзей, объясняя этот выбор эмоциональным контактом, взаимопониманием, а также возможностью наблюдать за поведением детей в разных ситуациях общения. Уильям Корсаро предлагает методику постепенного вхождения в детское «поле»: «я прихожу на игровую площадку, сажусь и жду, когда дети отреагируют на мое присутствие». Как отмечает ученый, в той ситуации важны два момента: (1) то, что взрослый сидит — это попытка выровнять физическое неравенство взрослого и ребенка; (2) контакт инициирует ребенок, который изначально занимает активную позицию, задавая темы для общения¹. Помогает снять диспропорцию статусов постепенное включение взрослого в детскую группу и длительное пребывание в ней, привлечение в качестве интервьюеров самих детей.

В-четвертых, любой исследователь детства должен предварительно развить в себе «теоретическую чувствительность». Ее источниками могут стать специальная литература по психологии и педагогике детства, профессиональный опыт (например, опыт работы в учреждениях системы социальной защиты детства), а также личный опыт (воспоминания о собственном детстве или наблюдении за своими детьми).

¹ Corsaro W.A. The sociology of childhood. London: Pine Forge Press, 2005.

И последнее, для поощрения участия детей в исследовании можно использовать разные бонусы: календарики, сладости, открытки.

Исследовать детство можно также, опираясь на продукты деятельности детей, в большей степени досуговой, так как учебная деятельность характеризуется статусным неравенством и мотивацией достижения. Результаты творческой деятельности детей (рисунки, рассказы, коллажи, дневники, проекты) могут быть весьма информативны.

Таким образом, качественные методы изучения детского сообщества — это способы получения неколичественной информации о нем в игровой форме с использованием проективных методик, анализа продуктов творческой деятельности, в привычной для ребенка среде с реализацией принципов наглядности, эмоциональной насыщенности, динамичности, соединения различных стимульных материалов. Использование методов предполагает предварительное обоснование возрастных границ допустимости и возможности получения информации определенного рода от детей, а также определение процедурных подходов к изучению мнений и представлений детей разного возраста. Подбор методик изучения детского сообщества может осуществляться через адаптацию существующих взрослых методов, либо конструирование «мягких» детских методик.

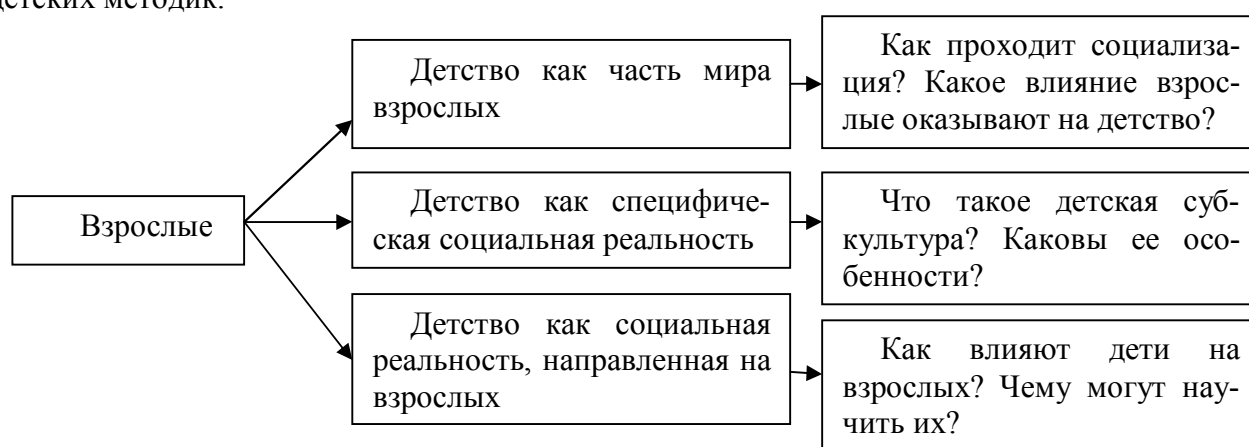

Рис. Направления изучения детства.

На рисунке представлены основные позиции исследователя, изучающего детство. Это может быть взгляд извне (из мира взрослых), изнутри (из мира детей) и в отражении (глазами детей на мир взрослых). Сбор информации о детстве осуществляется по трем направлениям:

- (1) непосредственное изучение детей, детских сообществ, детской субкультуры;
- (2) получение информации о детях из их социального окружения (от родителей, учителей, организаторов внешкольной работы, работников учреждений социальной защиты и пр.), т.е. опрос может быть экспертным и массовым;
- (3) воспроизводство информации о собственном детстве через автобиографии, дневники, т.е. попытка осмыслить мир детства через собственные ощущения, переживания.

Изучение социальной защиты детства предполагает интеграцию трех вышеозначенных направлений, т.к. социальное благополучие детей, складывается из формирования безопасной среды, создания условий для обеспечения их жизнедеятельности и развития, наличия родительской (либо замещающей) эмоционально-психологической поддержки.

Ведущими направлениями социальной защиты детства являются:

- социальная защита личности в процессе ее формирования, развития и адаптации (это социальная защита всех детей);
- социальная защита среды формирования, деятельности и развития личности (первичной средой для ребенка является семья, кроме того, предполагается также поддержка и развитие социальной инфраструктуры детства);
- целевая (адресная) социальная защита, защита определенных категорий детей (детей, оказавшихся в трудной жизненной ситуации).

Оценивание социальной защищенности сопряжено с анализом двух критериев — *субъективно-личностного* и *объективно-средового*. Объективно-средовой критерий предполагает сопоставление социальной инфраструктуры детства, комплекса услуг по его социальной защите с установленными государством социальными стандартами. Такие стандарты действуют в сфере образования, здравоохранения, социальной поддержки, правозащитной деятельности. Что касается субъективно-личностных оценок, то применение качественных методов помогает оценить состояние безопасности и комфортности детства.

Качественное исследование социальной защищенности детства предполагает использование неколичественных методов сбора данных (нестандартизированное интервью, наблюдение, проективные методики) с получением качественных данных (мнений, суждений, оценок) о социальном положении детей в семье. В таком исследовании делается акцент на семье, так как это естественная, максимально приближенная к ребенку среда, защищающая его от внешних негативных влияний, предоставляющая ему ресурсы для поддержания жизнедеятельности и развития. Условием социальной защищенности детства является реализация семьей ее основных функций: рекреационно-восстановительной, поддерживающей, хозяйственно-бытовой, воспитательной, социализирующей, здоровьесохранительной и др. Часть функций охватывает всю совокупность семейных отношений (известная формула семьи: родительство – супружество – родство), другая часть относится исключительно к детям, которых взрослые воспитывают, оберегают, которым прививают социальные нормы и демонстрируют модели поведения.

Конструирование выборочной совокупности основывается на 3 факторах: количество родителей (полная, неполная, замещающая семья), количество детей (однородная, двухдетная, многодетная), качество родительства (образование, наличие вредных привычек, наличие судимости, состояние здоровья и др.). Интервью с родителями, направленное на выявление степени социальной защищенности ребенка в семье, включает блоки вопросов о положении ребенка в семье и взаимодействии семьи с социальными институтами:

— родительский воспитательный стиль (соотношение требовательности (контроля) и отзывчивости (поддержки), средства поощрения / наказания детей, использование ресурсов социальных сетей (другие родственники), ценностное отношение к детям);

— взаимодействия с детскими образовательными учреждениями (детскими садами, школами): выбор образовательного учреждения (по рекомендациям, случайно, по территориальной отнесенности), посещение собраний, участие в общественных мероприятиях, органах управления (родительские комитеты, попечительские советы), обращение к педагогам за консультацией, помощь детям в выполнении домашних заданий, репетиторство;

— организация свободного времени ребенка (безопасность ребенка во внеурочное время, родительские «страхи», профилактика насилия, подключение дополнительных социальных сетей — продленка, няни, бабушки, занятость в сфере дополнительного образования, организация досуга в выходное и каникулярное время);

— влияние СМИ (количество часов, проведенных у телевизора, компьютера; любимые телепередачи, фильмы; ограничения со стороны родителей; образовательные программы и передачи; выход в Интернет; функции Интернета; участие ребенка в социальных сетях; подписка на детские газеты, журналы; наличие детской библиотеки; регулярность чтения);

— досугово-игровые институты и детское сообщество (взаимоотношения со сверстниками, регулярность, эмоциональный тон; общения с друзьями, формы проведения свободного времени, контроль со стороны родителей; наличие настольных игр, выбор игр, игровые интеракции; взаимодействие сиблингов в семье, эмоциональный тон, поддержка);

— хозяйственно-бытовая функция (участие ребенка в домашних делах, функции, частота выполнения домашних дел, мотивация, трудовая занятость в свободное время);

— взаимодействие с учреждениями здравоохранения (группа здоровья ребенка, наличие профилактических прививок, прохождение диспансеризации, наличие хронических заболеваний, инвалидности, профилактика простудных заболеваний, занятия спортом, укрепление иммунитета в семье, профилактика вредных привычек, сексуальное воспитание);

— отношение к системе ювенальной юстиции (защита прав детей, профилактика семейного насилия) и др.

Итак, обращение к качественным методам исследования социальной защиты детства связано со *специфическими особенностями предмета исследования, организацией процесса сбора данных и его анализом*:

— изучение фактов, явлений социальной защищенности детства требует «погруженности» исследователя в проблемное поле, обращение к социальным практикам повседневности (история семьи);

— наблюдение в естественной обстановке, взгляд на проблему сквозь призму родительского восприятия;

— измерительные инструменты формируются в процессе полевого исследования, в результате выделяются критерии социальной защищенности детства, осуществляется анализ факторов риска;

— на основе обобщения идей, мнений, суждений, полученных в ходе глубинного интервью с родителями, экспертных опросов специалистов институтов образования здравоохранения, социальной поддержки, правозащитного института, а также данных «мягких» методик исследования детства осуществляется построение концепции социальной защиты детства с выделением рисков и ресурсов системы.

Необычные источники социологической информации, или Как ответ двоечника может помочь социологу

Шушкова Наталья Викторовна, *НИУ ВШЭ*

Анализируя свои исследовательские практики, я заметила, что время от времени для постановки социологических исследовательских задач, формулировки проблем, или даже гипотез, я обращаюсь к письменным работам или устным ответам моих студентов (далее в тексте они называются «ненаправленные высказывания»). Мне представляется, что при некоторых оговорках они могут стать полезным источником первичных социологических данных.

Для чего можно использовать «ненаправленные» учебные высказывания (устные или письменные)? — Преимущественно, для предварительного описания нового предмета исследования. Высказывания позволяют сформировать мозаичное представление о тех областях социальной практики, которая недоступна социологу до начала исследования. Иными словами, использование «ненаправленных» высказываний функционально замещает разведывательный этап социологического исследования. Кроме того, *иногда «ненаправленные» высказывания позволяют открывать для себя новые исследовательские поля*. Так, разговаривая с не слишком хорошо подготовленным студентом о теме социальной структуры современного общества, я узнала, что «крестьянин — слово устаревшее». В ответ на мою просьбу найти «современный» аналог, я получила недоуменный взгляд и комментарий о том, что их сейчас нет и робкую попытку назвать их фермерами, тут же самым студентом отвергнутую. Культурологи установили: нет номоса — значит, нет явления. Действительно, есть ли крестьянство в современной России?

Что нужно сделать, чтобы получить содержательное «ненаправленное» высказывание? — это самый сложный вопрос описываемой исследовательской практики. Конечно же, нужно обратиться к обучающимся с просьбой дать развернутый ответ на учебный вопрос или предложить выполнение «творческого» задания, «мыслительного эксперимента» в рамках учебной дисциплины.

Не все отклики будут социологически информативны. Некоторые будут просто дублировать содержание лекционного курса или учебного пособия (т.е. не будут «ненаправленными»). Некоторые будет слишком сложно интерпретировать. Чтобы избежать первой проблемы, стоит формулировать вопросы и задания так, чтобы ответ на них, при всем старании, не мог быть найден в учебных источниках. Для решения второй, необходимо использовать не одно, а несколько заданий, различающихся по формулировке, лучше с временным интервалом; сравнивать ответы обучающихся из разных групп.

Приведу пример использования «ненаправленных высказываний» для формулировки предварительной объяснительной схемы.

В дисциплине «культурология», читаемой в одном из пермских вузов студентам первого курса всех (в том числе и технических) специальностей, есть темы, касающиеся актуализации имеющихся у первокурсников знаний об экономической системе современного общества¹. Реплики студентов, итоги их размышлений об экономических сюжетах позволили выдвинуть некоторые гипотезы относительно экономической культуры молодого человека, поступившего в вуз. Для начала опишу «инструментарий», с помощью которого экономические суждения были стимулированы, и, как итог, вербализированы студентами. Во-первых, это задание о перечислении социокультурных институтов, входящих в экономическую культуру современного общества. Во-вторых, это вопрос о практическом и символическом значении стипендии для студентов и других социокультурных групп. В-третьих, это описание студентами собственных экономических ролей и правил, по которым эти роли исполняются. Конечно же, следует отметить влияние на ответы знаний, содержащихся в курсе культурологии, и неоднородность высказываний, наблюдающуюся у студентов с разным уровнем подготовки. Тем не менее, большинство студентов пользовалось собственными, уже сложившимися представлениями об экономике, формулируя их с разной степенью детализации. Рассмотрим эти представления.

Экономическая подсистема в сознании первокурсников представляется четко связанной с денежным компонентом. Еще точнее, экономика сводится ими к умению обращаться с деньгами. В экономической подсистеме действуют не люди, не работники, не предприниматели, не фирмы, не промышленные предприятия, а денежные знаки. Собственно, без денежных обменов, экономика вряд ли бы существовала как что-то отдельное.

Умение обращаться с деньгами предполагает относительно однобокий набор технологий по их расходованию. По мнению студентов, деньги — это то, что можно потратить. У денег нет свойства «получения», только обмена на привлекательные блага. Цепочка «труд—вознаграждение за труд» в глазах студентов выглядит непривычной, связанной со скучным миром учебников, и к ним самим практически не применимой. Во всяком случае, оценка стипендии как «вознаграждения за учебные успехи, старания» в ответах первокурсников почти не встречается.

Появившиеся у студента деньги рассматриваются как везение, счастье, «халява». Деньгам, даже в виде стипендии (оцениваемой как маленькая), радуются, но не все хотят «трястись всю сессию, напрягаться, чтобы потом ее получить» (из ответов студентов). Трата денег — это всегда праздник. Стипендию «надо растянуть на весь месяц», но сначала как следует отметить ее получение. Стипендия может закончиться, но это не значит, что студент останется без денег (беспокойства по этому поводу в высказываниях нет). Как утверждает В. Зелизер: «доллар доллару рознь. В обыденной жизни мы приписываем тому или иному виду денег особое значение и используем их определенным образом. Иногда подобное целевое предназначение денег проявляется весьма конкретно»². Что же является «приятной тратой»? Как правило, это покупка еды — от полноценного обеда в столовой, до многочисленных снеков и спиртных напитков.

Получение стипендии расширяет горизонты экономического сознания студентов: в нем появляется тема финансовых учреждений. Среди перечислений экономических институтов почти никогда не встретишь завод, фабрику, фирму, производящую товары или оказывающую услуги (и уж тем более рынок труда), зато присутствуют рынки, магазины, банки и даже биржи. Выстраивается ряд: банк — банкомат — получение денег. Источник денег при этом анонимен и не интересен получателям.

К сожалению, по высказываниям студентов сложно реконструировать влияние денег и отношений, ими вызываемых, на формы взаимодействий между людьми: как в студенческой среде, так и за ее пределами. Скорее всего в рассматриваемой студенческой культуре нет и денег, оцениваемых как серьезные, в противовес «веселой стипендии». Ясно одно: практики обращения с деньгами не способствуют рационализации поведения. Приведенный выше пример позволяет говорить и об ограничениях техники ненаправленных высказываний.

¹ См.: Лейбович О.Л. Десять лекций по культурологии. Пермь, 2010.

² Зелизер В. Социальное значение денег. М., 2004. С. 35.

Во-первых, ее нетребовательность оборачивается значительными временными затратами на сбор информации. Неконтролируемый процесс сбора может затянуться дольше предполагаемого срока. Поэтому техника может быть полезной только социологам, значительно включенным в учебный процесс, постоянно находящимся в коммуникациях со студентами. Специально инициировать проникновение в студенческую аудиторию, чтобы задавать вопросы в надежде получить информативные «ненаправленные» высказывания, неэффективно.

Во-вторых, остро стоят вопросы репрезентативности и валидности информации. Данные ненаправленных высказываний будут характеризовать определенную социальную группу — студентов вузов и социальные события, с ними происходящие, и, лишь иногда, преломленные через призму их социального воображения, иные социальные процессы и группы общества.

В-третьих, ненаправленные высказывания могут оказаться артефактом, т.е. тем представлением, которое сам исследователь случайно сконструировал и вербализировал, а обучающиеся затем воспроизвели.

В-четвертых, целый веер этических вопросов. Учебные задания подразумевают ясную шкалу оценок. Добываясь ненаправленных высказываний, исследователь ставит под сомнение свою возможность оценивать ответы. Техника ненаправленных высказываний — это вид скрытого исследования: те, кто в нем участвуют, не могут быть оповещены о целях исследования и даже о том, что они включены в исследование. Тем самым проблематизируется поле доверия «учитель–ученик».

Методологическим обоснованием для использования этой техники может стать фраза одного немецкого социолога: «Знаете, если бы мне действительно было нужно понять итальянское общество, я бы не рассылал анкеты, а пошел бы в кафе за углом. Чтобы понять немецкое общество, я иду в пивную, а если я хочу понять британское общество, иду в паб. И там просто смотрю по сторонам»¹.

Технология изучения социального дна: развернутое описание случая

Ярошенко Светлана Сергеевна,

Санкт-Петербургский государственный университет

Цель данной работы — представить и обсудить методику монографического изучения «новой» бедности в постсоциалистической России, проводимого в течение десяти лет совместно с коллегами из сектора экономической социологии Института социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра УрО РАН. Изучение бедности было начато в середине 1990-х гг., то есть практически одновременно с ее расширенным распространением на работающее население. Основной задачей изучения феномена, который еще только появлялся и кристаллизовался, было понимание механизмов его (вос)производства. Для решения задачи как нельзя лучше подходил метод развернутого монографического исследования, который позволял фиксировать изменения в социальном контексте и предоставляемых рыночной средой возможностей, в значениях и смыслах, приписываемых материальному достатку, в стратегиях (способах) его достижения.

Метод развернутого монографического исследования (*extended case method*) разработан Майклом Буравым, профессором социологии Калифорнийского университета (Беркли, США). Он основан на принципах, альтернативных четырем «R», предложенных Дж. Катцем и ассоциируемых с позитивизмом: *Reactivity, Reliability, Replicability, Representativeness*². Они были критически осмыслены в ходе двадцатилетней исследовательской работы Буравого в различных странах, испытывающих трансформации. Таким образом, *реактивность* (*reactivity*) достигается не за счет дистанцирования, а через взаимодействие с объектом исследования; *надежность* (*re-*

¹ Цит. по: Штомпка П. В фокусе внимания повседневная жизнь. Новый поворот в социологии // Социологические исследования. 2009. № 8. С. 4.

² Katz J. A theory of qualitative methodology: The social system of analytical framework // Contemporary field research / Ed. by R. Emerson. Prospect Heights, Illinois: Waveland Press, 1983.

liability) достигается не за счет стандартизации ответов, а через интерпретацию смыслов слов и поведения индивида(ов); *повторяемость* (replicability) признается недостижимой, а потому требуется необходимость учета особенностей социальной реальности, постоянно меняющейся и контекстуальной; *репрезентативность* (representativeness) предполагает выведение теорий или научных объяснений не только из фактов, но и из реконструкции старых теорий¹.

Данный метод был дополнен сочетанием этнографических методов (детальное изучение случая) с опросами в одной точке. На протяжении десяти лет, с 1998 по 2008 гг., было проведено два лонгитюдных исследования о причинах постоянной бедности и стратегиях занятости среди официальных бедных, а также три опроса: о стратегиях выживания в 1998 г., эффективности социальной поддержки в 2001–2002 гг. и ценности успеха и стратегиях его достижения в 2006–2007 гг. Уникальность полученной информации в том, что она позволяет восстанавливать смыслы и значения, приписываемые «бедности», примерять их к определенному социальному контексту, отслеживать изменения во времени и реконструировать как исследовательскую позицию, так и «устаревшую» теорию.

В статье делается попытка раскрыть правила развернутого монографического исследования и представить то, каким образом они реализовывались нами в ходе изучения бедности в России после реального социализма.

В целом, исследование, полагающееся на правила монографического исследования, показало, что экономическая и социальная политики, а также действующая система социальной поддержки не учитывают в должной мере реактивное поведение населения — конструктивные/деструктивные практики совладания с нуждой низкодоходных, или «слабо-ресурсных» групп населения. Данная система скорее ориентирована на поддержание существующего уровня потребления и не стимулирует развитие деловой активности обращающегося за помощью или ожидающего поддержки населения. Акцент современных технологий выявления и защиты нуждающихся исключает из поля зрения достигательские формы реагирования населения на ситуацию материальных лишений, например, предпринимательство. Кроме того, выпадает из поля зрения категория проблемных семей, которые не обращаются за помощью, но составляют основу застойной бедности. Почему это происходит?

Выход в поле, или Погружение в мир информанта

Правило 1. Интерсубъективность вместо реактивности: *«Социальные науки отличает то, что мы являемся частью изучаемого мира. Нам не избежать отношений с теми, кого мы изучаем. Эти отношения могут быть не реальными, а фактическими, подобно тем, что свойственны демографам и историкам, но тем не менее они существуют и управляют нашим отношением к теории и фактам»².*

Восхождение к теории было сопряжено с эмпирическим исследованием и со стремлением опытным путем определить способы выпадения из ранее состоятельных групп и складывания слоя постоянно бедных, для которых нужда становилась замкнутым кругом.

Еще не классифицируемая как «застойная», бедность в середине 1990-х гг. уже воспринималась как проблема, присущая не только «буржуазному», но и меняющемуся советскому обществу. Она объявлялась «социальной» ценой перемен в стране, движущейся в направлении демократизации и свободного рынка. В этом движении участвовали как теоретики, продуцирующие объяснительные схемы, так и «простые» люди, оказавшиеся в сложной материальной ситуации. Опыт нисходящей мобильности или материальных затруднений, казалось, был знаком практически каждому. И если интеллектуалы полагались на себя, реализовывая свой академический интерес, накапливали «культурный капитал», подчас с трудом сводя концы с концами, то мои информанты не хотели быть бедными, надеялись на лучшее и на правительство, которое может в скором времени обеспечить им приличные условия существования.

¹ Буравой М. Развернутое монографическое исследование: между позитивизмом и постмодернизмом // Рубеж. 1998. № 10–11. С. 154–176.

² Там же. С. 161.

В ходе исследования мы сталкивались с многообразием мнений, точек зрения и позиций относительно того, что считать бедностью и в какой мере «посторонние», не сталкивающиеся с повседневными лишениями, имеющими дом, стабильную зарплату, свое дело, могут понять мир бездомного или человека, ограниченного в использовании предоставляемых рыночной средой возможностей. Бедность рассыпалась на множество составляющих и становилась еще более многозначной, чем до начала исследования, или от чтения книг в библиотеках. И весьма продуктивной в теоретических спорах, а также и «полевом» общении оказалась открытость и четкая позиция, обозначаемая как в теории, так и в практике взаимодействия.

Наблюдаемые смыслы, или Продвижение за пределы социальной ситуации

Правило 2. Валидность вместо надежности: *«Если мы не можем стандартизировать ответы в рассматриваемых случаях, лучше расшифровывать смысл речи и действия индивида. Мы замещаем тонкое описание толстым и изучаем конструирование смысла. Вместо методологического индивидуализма мы принимаем методологический ситуационизм¹.*

Мы видели, как постепенно менялись ожидания этих людей, как с течением времени приходилось примерять на себя статус «нуждающихся в государственной поддержке» и искать собственные способы решения проблем. В этих поисках постепенно обозначалась грань между теми, кто готов был полагаться только на себя, переходя с одного рабочего места на другое, преодолевая клеймо «неудачника» и «слабого», используя все имеющиеся возможности, в том числе государственную поддержку наиболее нуждающимся; а кто опускал руки и признавался в личной неспособности принимать рыночные правила игры и быть конкурентоспособным на рынке, не признающим имеющиеся способности и таланты, в частности, готовность много и интенсивно трудиться во благо коллективной идеи. Отсюда интерес к «крайним» бедным — с крайне низким уровнем материальных и социальных ресурсов, для которых уже забытое за годы советской власти ощущение голода становилось «нормой» жизни, и для которых чрезвычайно высоким был риск оказаться в числе постоянно бедных.

Из этих наблюдений и рефлексии над неработающими в повседневной реальности теоретическими конструктами появилось предположение о том, что новые формы бедности, а также ее объяснения, появлялись параллельно с возможностью политической системы организовываться в новые формы гражданского управления, а также формированием устойчивых практик реагирования населения на изменение прежней системы жизнеобеспечения.

И бедность уже виделась не проблемой недостатка средств для удовлетворения распространенных стандартов жизни, принятых минимально необходимыми в конкретных социальных условиях в данной стране, а проблемой социального исключения/включения в использование ресурсов, благ и привилегий. В этом случае групповое взаимодействие уже сложно было объяснить с точки зрения сугубо экономического поведения минимизации затрат и максимизации прибыли. Очевидно, она становилась также проблемой власти, субординации и дискриминации, проблемой реагирования населения на складывающиеся институты распределения благ и гарантий в условиях рыночной экономики.

Отсюда особое внимание к *официальным бедным* — признавшим свою нужду, обратившимся за государственной поддержкой, представившим подтверждение в ее необходимости и получившие вспомоществование. Обращение именно к этой категории снимало отчасти проблемы идентификации бедных, активно обсуждаемые в связи с ростом невидимых доходов, сложности учета не только денежного, но и имущественного состояния. Но что более важно, это позволяло обозначить и анализировать влияние политики идентификации «(не)достойных» помощи граждан на формирование застойной бедности.

¹ Буравой М. Развернутое монографическое исследование: между позитивизмом и постмодернизмом // Рубеж. 1998. № 10–11. С. 161.

Социальный контекст ситуации

«В развернутом монографическом исследовании ситуация межличностного взаимодействия (лицом к лицу) формируется не только внутренними, но и внешними реальными силами»¹.

Исследование одного города — методически не новое решение. Об опыте такой работы можно судить на основании известного Таганрогского исследования², исследований в Санкт-Петербурге³ или социологического исследования жилищных классов, проведенного в 1999 году (N=1125) в Сыктывкаре⁴. Выбор только одного города для проведения опроса был обусловлен исследовательскими задачами и возможностью сопоставления результатов с ранее проведенными здесь исследованиями. Он является типичным, или «среднестатистическим» российским городом. В социальных отношениях города, столице республики Коми, запечатлены как уникальные вехи освоения российского Севера, так и типичные для советских и постсоветских российских городов условия их становления.

Социально-экономическая ситуация в Сыктывкаре, в целом, отражала и продолжает отражать региональные, общероссийские и даже глобальные тенденции в сфере занятости и уровне жизни. За десятилетие реформ сформировался слой безработных, пик численности которого приходится на 1998 год. Имелся существенный разрыв между уровнем общей и зарегистрированной безработицы. Среди всех безработных наметилось преобладание мужчин, а среди зарегистрированных — большинство женщин. Схожие тенденции можно отметить и в динамике рабочих мест: сокращение численности занятых в промышленности, строительстве и транспорте, рост занятых в торговле, сфере услуг, банковской сфере и управлении. Постепенно росло число занятых малым предпринимательством. В то же время доля населения с доходами ниже прожиточного минимума оставалась достаточно высокой и продолжает сохраняться, несмотря на экономическую стабилизацию и уточнение статистических расчетов.

С началом рыночных реформ большинство производств пережило экономический кризис, который наиболее остро проявился в середине 1990-х годов в сокращениях, текучке кадров, административных отпусках и задержке заработной платы. Реальные семейные доходы существенно снизились, и изменилась их структура: доля доходов от оплачиваемой занятости упала с 72 до 46 %, и почти в два раза (с 19 до 42 %) увеличились доходы от предпринимательской деятельности, в том числе скрытой оплаты труда. Перенос экономической активности в неформальную плоскость и в домохозяйство сопровождался ростом уровня бедности и составил предмет озабоченности федеральной и региональной власти.

Начиная с 1997 года, в Республике Коми реализовывалась одна из трех новых методик определения нуждаемости и оказания помощи, пилотировавшихся в различных регионах России при финансовой поддержке Всемирного Банка⁵. В отличие от принятой ранее в России практики, все три новые методики были ориентированы на ограничение масштабов социальной помощи, избирательный (адресный) подход в оказании поддержки и использование концепции относительной бедности в расчетах числа наиболее нуждающихся. В настоящее время региональная социальная политика приведена в соответствие с федеральной, однако более щадящие условия

¹ Буравой М. Развернутое монографическое исследование: между позитивизмом и постмодернизмом // Рубеж. 1998. № 10–11. С. 197.

² Бедность: взгляд ученых на проблему / Отв. ред. М.А. Можина. М.: ИСЭПН РАН, 1994; Rimashevskaya N.M. Family Well-Being and Health. Project "Taganrog-3.5". Moscow: ISESP RAS, 1998.

³ Piirainen T. Towards a New Social Order in Russia: Transforming Structure and Everyday Life. Aldershot: Dartmouth, 1997; Бедность в России: Государственная политика и реакция населения / Под. ред. Д. Кругман. Вашингтон: Всемирный Банк, 1998.

⁴ Кротов П., Буравой М., Лыткина Т. Жилищная стратификация города: эволюция советской модели. Сыктывкар: Коми НЦ УрО РАН, 2003.

⁵ Эта программа реализовывалась вплоть до 2001 года, а потом была свернута в ходе приведения в соответствие региональных инициатив с федеральным законодательством. Однако ее влияние сохраняется до сих пор. Анализ особенностей постсоветской системы социального обеспечения и адресной социальной помощи см.: Ярошенко С. Региональный профиль бедности: практика социального конструирования // Республика Коми: власть, бизнес, политика. Социологические этюды. Сыктывкар, 1998. С. 46–60; Сидорова В.А. Влияние адресной социальной помощи на изменение уровня, глубины и остроты бедности // Социс. 2004. № 7. С. 83–94.

предоставления поддержки (без учета потенциальных и ряда косвенных доходов) не изменили ключевого принципа адресной поддержки наиболее нуждающихся, обратившихся за помощью и подтвердивших несостоятельность.

Иными словами, принципы государственной благотворительности были сформулированы таким образом, чтобы исключить помощь тем низкодоходным семьям, которые имеют экономический и трудовой потенциал. Предполагалось, что тем самым можно стимулировать активизацию внутренних резервов домохозяйства, пресечь иждивенчество и формирование экономической зависимости. В действительности этого избежать не удалось. Основными получателями социальной поддержки оказались работающие¹, а в крайней нужде находилась только четверть зарегистрированных бедных. Остальные крайние бедные выпадали из поля социальной защиты и стигматизировались как «недостойные».

Следует отметить, что постсоциалистическая трансформация вписывается и в общие глобализационные процессы: сворачивание промышленности, расширение сферы услуг, феминизация рабочей силы, сокращение возможностей для мужской части рабочего класса, фрагментация способов выживания на фоне сворачивания системы социальных гарантий.

Таким образом, сквозь призму одного случая в каждом исследовательском проекте раскрывается сложный механизм социальных отношений, что с одной стороны, облегчает задачу, а с другой — осложняет требованиями пристального внимания к деталям.

Изменения во времени

Правило 3. Историчность вместо повторяемости: *«Если повторяемость не достижима (кроме случаев с социологически тривиальными феноменами), поскольку мы не можем зафиксировать условия социального исследования, нам следует извлечь из этого преимущества и настаивать на помещении всех социальных ситуаций в поле отношений, которое их формирует»².*

Два раза в год на протяжении 1999–2002 годов в рамках двух упомянутых выше лонгитюдных исследований опрашивались по 20 человек в городе и селе из числа тех, кто обозначался «экспертным» сообществом в качестве бедных³, и проводились полуформализованные интервью с 60 респондентами (30 мужчин и 30 женщин) из числа зарегистрированных бедных в городе⁴.

В обоих исследованиях отслеживалось влияние стратегий занятости на материальное положение наших информантов и их семей. Принимались во внимание и стратегии выживания, выходящие за пределы оплачиваемой занятости: разнообразные формы активности по обеспечению семьи. Особый интерес представляли ситуации восходящей мобильности и консервации бедности: примеры разного «выхода» людей, занимающих равные структурные позиции — занятых на работах, не позволяющих обеспечивать прожиточный минимум. В первую очередь интересовало не описание или подтверждение бедности, а динамика материального положения, как и за счет чего происходила восходящая или нисходящая мобильность, как аргументировали и чем объясняли материальное положение и его изменение сами респонденты, совпадали ли смыслы исследователя и информанта. Через их интерпретацию шло реконструирование механизма, поддерживающего последовательное вытеснение на периферию материального благополучия. Основные его элементы высвечивались только через анализ предпринимаемых усилий по использованию возможностей, предоставляемых внешней средой. И уже в них четко проявлялось манипулирование нормами в достижении личных интересов, расхождение между словом и делом.

Повторные интервью в семьях официальных бедных позволяли увидеть изменения в стратегиях, выстраиваемых по поводу обеспечения семьи, решения повседневных проблем и опреде-

¹ Ярошенко С. Гендерные различия стратегий занятости работающих бедных // Рубеж. 2001. № 16–17. С. 25–49.

² Буравой М. Развернутое монографическое исследование: между позитивизмом и постмодернизмом // Рубеж. 1998. № 10–11. С. 162.

³ Подробное описание методики исследования см.: Ярошенко С. Северное село в режиме социального исключения // Социс. 2004. № 7. С. 71–82.

⁴ Подробное описание методики исследования см.: *Adapting to Russia's New Labour Market: Gender and Employment Behavior* / Ed. by S. Ashwin. London: Routledge, 2006. P. 1–31.

ления планов на будущее. На их основании формировалась методика опросов, которые позволяли исследовать масштабы распространения крайней бедности, состав наиболее нуждающихся, а также увидеть типичные способы решения материальных проблем внутри домохозяйства.

Реконструкция теории

Правило 4. Реконструированная теория вместо обоснованной (grounded) теории:

*«Если мы не можем получить репрезентативной выборки, потому что нам неизвестны ситуации, с которыми сталкивается население, то, возможно, будет лучше отказаться от индукции, то есть выведения теории непосредственно из фактов. Теории не являются сконструированными из фактов *tabula rasa*¹, и старые теории реконструируются в диалоге с жизненным опытом»².*

Публичные обсуждения, адресная социальная политика и реакция населения ярко обозначили взаимодействие «культурных» и «структурных» факторов в процессе обеднения³. Постепенно, на фоне кажущихся растущими рыночных возможностей, бедность конструировалась как проблема и постыдный образ жизни. Довольно быстро в явной или скрытой форме реанимировались устаревшие обвинения бедных в их особой культуре, или неспособности адаптации к рыночным изменениям, отягченной алкогольной и прочими формами зависимости. Такое объяснение «лежало» на поверхности, но не учитывало кардинальных изменений в складывающейся системе жизнеобеспечения и конструирования «непривилегированной» социальной позиции, важным признаком которой была неспособность следовать средним стандартам потребления и быть успешным потребителем. Другое объяснение, отсылавшее к сложной ситуации на формирующемся рынке труда, также было недостаточным, и лишний раз подтверждало ограниченность полярных объяснений и поисков причин бедности либо в индивидууме, либо в обществе.

Отсюда идея режима социального исключения, институционального, или «практического» воспроизводства в социальных практиках и политике стигматизируемого меньшинства⁴. Социальный режим исключения – институциональное вытеснение на обочину материального благополучия, т.е. механизм ограничения доступа к материальным ресурсам через структуры возможностей (рынок труда, система социальной поддержки и так далее), условия достатка (образование, профессиональные способности, гражданский статус/права и так далее) и правила его достижения.

Этот режим проявляется через особые способы взаимодействия социальных позиций (структур возможностей) и практик управления нуждаемостью в первую очередь в домохозяйстве через выработку *стратегий выживания* — устойчивых правил решения материальных трудностей и поддержания достигнутого уровня достатка. Ограничения внешней среды сочетаются с неперспективными, не вписывающимися в логику рыночной системы привычными вариантами решения материальных трудностей. Комбинация возможностей действия в определенной социальной позиции и их реализация в повседневных решениях составляет каркас режима исключения. При этом в подвижной социальной ситуации, когда нет четких социальных предписаний и границ социального действия, усиливается роль стратегий выживания, трансформирующих влияние внешней среды, конструирующих и воспроизводящих ситуацию материальных лишений⁵. А параллельно, на фоне новой глобальной экономики и субъективного действия растут поиски иного (альтернативного) смысла жизни, не связанного с достатком, с исключительно потребительскими запросами и требованиями к рабочему месту лишь как к источнику дохода⁶.

¹ *Tabula rasa* (чистая доска) — тезис, применяемый к радикальной эмпирической точке зрения о том, что все знание происходит из опыта.

² Буравой М. Развернутое монографическое исследование: между позитивизмом и постмодернизмом // Рубеж. 1998. № 10–11. С. 162.

³ Ярошенко С. Синдром бедности // Социологический журнал. 1994. № 2. С. 43–51.

⁴ Ярошенко С. Бедность в постсоциалистической России. Сыктывкар: Коми НЦ УрО РАН, 2005.

⁵ Там же.

⁶ Ярошенко С. «Новая» бедность в России после социализма // *Laboratorium*. 2010. № 3. С. 42–72. (<http://www.soclabo.org>)